

ЭРИН ХЭЙ

ЗАВОЕВАТЕЛЬ
В ЕГО ВЛАСТИ.

18+

Эрин Хэй

Завоеватель. В его власти

«Автор»

2026

Эрин Хэй

Завоеватель. В его власти / Эрин Хэй — «Автор», 2026

Мой мир рухнул в тот миг, когда солнце над столицей затмили черные крылья крылатых тварей. В одночасье наше королевство пало, обратившись в руины и пепел под натиском безжалостного завоевателя. Мой брат сбежал, оставив меня на милость победителя, а король, мой отец, превратился в живую тень. Теперь я, бывшая принцесса Тефарии, всего лишь военный трофей Дэмиана Морвейна, захватчика, пришедшего с Юга. Но я не сдамся. Я готова на все, чтобы вернуть себе свободу. Вот только как противостоять врагу, который не просто держит меня в плену, но медленно, шаг за шагом проникает в мой разум и сердце, подчиняя своим желаниям?

© Эрин Хэй, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	29
Глава 13	32
Глава 14	35
Глава 15	38
Глава 16	41
Глава 17	43
Глава 18	46
Глава 19	48
Глава 20	50
Глава 21	53
Глава 22	56
Глава 23	58
Глава 24	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Эрин Хэй

Завоеватель. В его власти

Глава 1

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Грудь разрывало от недостатка воздуха, густая пыль и веками копившаяся плесень царапали горло, заставляя кашлять и отплёвываться, подол длинного платья путался под ногами, мешая бежать.

— Мне Мне надо немного отдохнуть, — запинаясь, пробормотала я и в изнеможении привалилась к каменной кладке. Спину тут же обожгло холодом.

Отец с братом даже не обернулись на мой тихий голос, видимо, не услышали, и, пока я пыталась отдышаться, ушли далеко вперёд. Факел в руках отца отбрасывал на сырые стены подземелья пляшущие уродливые тени, искажающие их силуэты до неузнаваемости. Шаг за шагом они отдалялись от меня, пока не скрылись за очередным поворотом.

— Подождите, — прохрипела я.

Ноги дрожали от усталости, но страх остаться одной в полной темноте, а ещё хуже попасться в руки захватчиков толкал меня вперёд. И я бросилась догонять короля Тефарии и его наследника.

Ужас перед врагами был почти осязаемым. Он сдавливал виски ледяными тисками, стекал по спине холодным потом, заставлял сердце колотиться в сумасшедшем ритме, заглушая все звуки, кроме злобного рыка, доносившегося сверху и заставляющего непрерывно оглядываться.

Сейчас трудно поверить, что этот звериный раскатистый рык, сотрясающий всё вокруг, зародился из едва различимых точек на горизонте. Показавшиеся накануне корабли поначалу вызвали лишь усмешку у генерала армии. Ещё бы! У Тефарии имелся самый могучий и непобедимый флот среди всех западных королевств! Но потом над мачтами взметнулись тени, и с каждым часом они становились все ближе и больше.

То, что дозорный сперва принял за невероятно огромных птиц, оказалось чем-то гораздо худшим. Расправив широкие чёрные крылья, чудовищные создания взмыли над столицей, заслонив собой солнце. Драконы Миф! Страшная сказка для детей! Жуткие, уродливые порождения Юга оказались не просто выдумкой! Они наполнили наши души первобытным ужасом. От их яростного рёва отнимались ноги, кровь стыла в жилах, а разум цепенел, теряя волю к сопротивлению.

Зависнув над королевским дворцом, одно из этих крылатых чудищ накрыло его своей тенью, погрузив комнаты и коридоры во мрак. И тогда в свете горящих факелов я увидела, как в глазах самого отважного стража угасла искра разума, уступив место всепоглощающему, животному страху. Бросив меч, он попытался сбежать, чтобы тут же упасть обезглавленным за дезертирство. Преградивший ему путь генерал вытер окровавленный клинок, но неотвратимость наказания уже не могла остановить других. Когда с небес хлынул огонь, от которого плавилась камни, никто не слушал приказов военачальников.

Отец, король Годрик III Альдеран, выдернул нас с Альстэром из тронного зала, когда по мраморным полам уже гремели чужие сапоги, а коридоры наполнились звоном оружия и тошнотворным запахом крови. Подземелье, куда он нас привёл, содрогалось от бесконечных ударов и выплёвывало нам вслед осколки камня и мелкую крошку. Мы бежали, пригибаясь и уворачиваясь от падающих обломков. Отец постоянно оглядывался, напряжённо всматриваясь в темноту за нами, пытаясь понять, есть ли погоня. Петляя по коридорам, мы в очередной раз свернули в какой-то тоннель, который неожиданно закончился стеной.

— Тупик? — недоверчиво поинтересовался Альстэр.

Я не понимала, как у него хватает сил сохранять самообладание, потому что мне хотелось упасть на колени и выть от отчаяния.

— Отец, — чуть не плача прохрипела я. — Ты ошибся?!

Он не ответил. Подойдя к стене, он принялся чертить на ней сложный символ, выкрикивая незнакомые слова. Я ничего не понимала: доносящийся отовсюду грохот подавлял его голос, а фигура брата загораживала мне обзор. Но внезапно камни под его пальцами начали светиться, а воздух наполнился запахом соли.

— Что Что это?! — воскликнула я.

Шагнув ко мне, Альстэр сжал мою руку:

— Смотри!

Голубое сияние раскололо стену, образовав узкую щель в иной, более глубокий мрак. В этот миг земля вновь содрогнулась в конвульсиях, устрашающий рёв и падающие камни заглушили все другие звуки. Голубой свет погас на долю секунды и снова вспыхнул, но уже неровно и нервно.

— Скорее! — скомандовал отец.

Он схватил Альстэра за локоть и буквально втокнул его в мерцающий проход.

— Ты первый!

Я видела, как фигура брата исчезла в голубом сиянии. Видела, как отец сделал шаг ко мне. Видела, как тянется его рука, уже чувствовала его пальцы на своём плече.

И в этот момент потолок коридора рухнул, подняв облако пыли и обломков камней. Нас с отцом отбросило в разные стороны. Взвизгнув, я упала на пол, закрывая голову руками от осыпающихся булыжников. Свет в потайном проходе мигнул и погас, а стены начали смыкаться, отрезая путь к бегству для тех, кто остался в подземелье. И оттуда, где ещё минуту назад в голубом облаке скрылся брат, раздался его приглушённый, искажённый голос:

— Отец! Алианна!

С трудом поднявшись, отец нашёл на полу факел, который чудом не погас, выпрямился и застыл. Откуда-то издалека эхо доносило до нас шум погони. Отец обернулся на стремительно приближающиеся звуки, посмотрел на стену, отрезавшую его от сына, затем перевёл взгляд на меня, и снова на стену.

— Беги! — громко прокричал он. — Беги, Альстэр! Ты наследник! Ты спасёшь королевство! Ты должен, слышишь?!

Он повторял это снова и снова, даже когда наш погруженный в полумрак тупик осветился ярким зелёным пламенем неведомой магии и наполнился звоном извлечённых из ножен мечей. Даже когда грубые руки завоевателей схватили нас и потянули по коридорам назад, к тронному залу, отец лишь улыбался, довольный тем, что спас Альстэра. Он всегда благоволил ему больше, чем мне. Ведомая по подземному лабиринту приставленным к спине клинком, я, прикусив губу, горько усмехалась, понимая, насколько мало моя судьба волнует отца. Ведь он мог. Мог толкнуть нас обоих одновременно в тот тоннель, мог вновь начертить знак, мог убить меня, в конце концов! И последнее было бы милосерднее, чем отдать в руки завоевателей.

Глава 2

Нас силой выволокли из подземелья и потащили по тёмным, наполненным пылью и гарью коридорам, нисколько не церемонясь, словно мы были какими-то рабами, а не представителями правящей династии. Чьи-то грубые руки сжимали мои плечи так сильно, будто хотели раздробить кости. В этом лабиринте переходов и лестниц легко можно было заблудиться, но тот, кто нас вёл, точно знал, куда идти. Выставив перед собой правую ладонь, он освещал нам путь странным зелёным огнём, от которого просвечивались стены. Не то, чтобы они становились совершенно прозрачными, скорее превращались в мутноватую завесу, за которой можно было разглядеть расплывчатые очертания комнат и силуэты находящихся там людей, но при этом они по-прежнему оставались осязаемыми. Шаг за шагом, поворот за поворотом мы приближались к цели.

Наконец, нас вытолкали в тронный зал, и кто-то за спиной грозно рявкнул:

— На колени!

Я бросила быстрый взгляд на отца. Он не пошевелился, продолжая стоять, гордо подняв голову.

— На колени! — повторил тот же голос.

Но ни я, ни отец не подчинились. Тогда в спину сначала отцу, а затем и мне прилетел мощный толчок. Не удержавшись, с громким криком я упала на колени, разодрав ладони в кровь. Отец рухнул рядом.

— Опустить голову! — последовал новый приказ.

На этот раз я не посмела послушаться.

Не знаю, как долго мы простояли на коленях. Тишину тронного зала прерывал постоянный грохот рушащихся стен и злобный рык крылатых тварей. Но внезапно всё стихло. Я слышала чью-то тяжёлую поступь. Шаги приближались. Не решаясь поднять голову, я смотрела перед собой и видела лишь чёрные сапоги с металлическими накладками, оставляющие за собой кровавые отпечатки на битом камне, и полы чёрного, расшитого серебром плаща.

Осмелившись, я подняла голову и едва не завопила от ужаса.

Тронного зала больше не существовало. Стены зияли проломами, сквозь которые сочился дымный свет умирающего дня. Колонны лежали расколотыми, мраморный пол изрезали трещины.

И только трон уцелел.

Он стоял на возвышении, нетронутый и такой нелепый в этом хаосе. Чёрный камень, из которого он был высечен, не взяли ни огонь, ни время. К нему по ступеням поднимался мужчина. Я не видела его лица, видела лишь широкую, напряжённую спину, и чёрные волосы, ниспадающие на плечи тяжёлыми, влажными прядями.

Откинув плащ, он сел на трон, и я опустила взгляд. Я смотрела в пол, на осколки мрамора и собственную кровь, капающую из рассечённой ладони. Но краем глаза я видела его мощную фигуру.

Занявший трон мужчина смотрел не на меня. Его взгляд прошёлся поверх моей головы, не заметив, не зацепившись. Весь его интерес был прикован к отцу.

— Их было трое, ардор Морвейн, — сказал один из воинов, удерживающих нас. — Один ушёл.

— Кто? — после недолгого молчания спросил тот, кого назвали ардором, то есть погонщиком драконов, обладателем уникальной способности вступать в контакт с огромным летающим ящером и повелевать им. — Куда?

— Ушёл сквозь стену. Мы полагаем, что это наследный принц.

— Вы отправили погоню?

— Мы простучали всю стену, но не нашли прохода. — Воин кашлянул, переступил с ноги на ногу. — Полагаем, этот — он ткнул пальцем в сторону отца, — использовал магию.

Ардор Морвейн холодно усмехнулся.

— Нет такой магии, — его голос стал мягче, почти ласковым, отчего по спине побежали мурашки, — которая не подвластна Эзре.

Из тени шагнула фигура. Человек в сером балахоне, с лицом, спрятанным глубоко под капюшоном, прошёл к пролому в стене, откуда открывался вид на город, и замер, глядя на руины.

— Я изучил стену, Дэмиан. Теперь это просто стена, за ней нет никакого прохода, — скрипучим голосом произнёс маг. — Полагаю, там использована древняя магия, мне неизвестная.

После его слов повисла напряжённая тишина. Молчал Эзра, молчал ардор Морвейн, молчали воины, когда внезапно послышалось тихое хихиканье, которое постепенно становилось всё громче и громче. Это смеялся мой отец. Я слышала этот смех тысячи раз. Он всегда означал одно: отец знает то, чего не знают другие, и он наслаждается их неведением. Но сейчас его смехе было что-то ещё: нечто надрывное и безнадёжное.

— Мой сын сбежал, — выдохнул он отсмеявшись. — Мой сын жив. Мой сын

— Куда ведёт проход? — резко спросил ардор Морвейн.

Отец ответил не сразу. Запрокинув голову, он смотрел в наполовину обрушившийся потолок.

— Он вернётся, — сказал он. — Вернётся с тысячной армией. И ваши драконы не спасут вас. Не спасут!

Ардор Морвейн встал. Нервно сглотнув, я втянула голову в плечи и съёжилась, стараясь стать как можно незаметнее. Сапоги прогремели по ступеням. Тяжёлые шаги приближались, и я почувствовала, как сгущается воздух вокруг, становится плотным, почти осязаемым.

— Не вернётся.

Голос прозвучал совсем рядом. Я не поднимала головы, но видела край чёрного плаща, остановившийся в полуметре от отца.

— Сейчас ты расскажешь мне, как открыть проход.

Грубые пальцы обхватили нижнюю челюсть отца и дёрнули вверх. Отец вздрогнул и попытался отстраниться, но стоящие рядом воины держали крепко.

— Не советую сопротивляться, если хочешь сохранить разум.

Ардор Морвейн не угрожал. В его голосе не было ничего, кроме уверенности, и она страшила больше любого крика.

— Пошёл ты, — выплюнул отец.

Ухватившись второй рукой за волосы, ардор Морвейн резко запрокинул ему голову, заставляя смотреть вверх. В ужасе зажав рот рукой, я взирала на профиль этого мужчины, острый, жёсткий, с волевым подбородком. Он не обращал на меня внимания, но если бы он сделал это, я бы умерла на месте просто от одного его взгляда.

— Нет!

Страдальческая гримаса исказила лицо отца. Он попытался вывернуться, отвести взгляд, закрыть глаза, но ардор Морвейн не позволил, жёстко удерживая его голову. И тогда отец закричал.

Я никогда не слышала такого крика. В нём было столько боли, что хотелось вырвать собственные уши, лишь бы больше никогда не слышать его.

— Отпустите его! — пропищала я жалким голосом. — Умоляю!

Бросившись в ноги ардору Морвейну и вцепившись в его сапоги, я взывала к милосердию, но тщетно. Меня отшвырнули как нашкодившего котёнка, и я снова упала на острые камни, разодрав ладони ещё больше.

— Прошу вас, — всхлипывала я. — Отпустите!

Меня не слушали. Отец кричал всё громче, его тело выгибалось, жилы на шее вздулись, глаза закатились и покраснели, казалось, они вот-вот лопнут.

— Поганый упрямец! — ардор Морвейн был всё так же спокоен, но теперь в его голосе прорезались нотки раздражения и досады.

Отец захрипел. Крик оборвался так же внезапно, как и начался, и в наступившей тишине я услышала только хриплое, прерывистое дыхание и стук собственного сердца, готового выпрыгнуть из груди.

Ардор Морвейн разжал руки. Тело отца обмякло и рухнуло на пол, как тряпичная кукла.

— Отец!

Не помня себя, я бросилась к нему. Я тормошила его, хлопала по щекам, заглядывала в лицо. Сзади сквозь шум в ушах пробивались голоса.

— Удалось что-то узнать?

— Нет, ничего не сообщил. Предпочёл лишиться разума.

В этот момент отец открыл глаза, и я замерла. В них не было ничего кроме белой выжженной пустоты. Губы его беззвучно шевелились, словно он пытался что-то сказать, но язык не слушался, а из уголка рта стекала тонкая ниточка слюны.

— Отец? — недоверчиво прошептала я. — Папа?

Он посмотрел на меня. Потухшим взглядом скользнул по лицу и, не узнавая, устремился куда-то в сторону. И я закричала.

Глава 3

Крик рвался из груди, раздирая горло и заглушая все звуки: голоса, шаги и даже далёкий рёв драконов, до сих пор круживших над мёртвой столицей. Я кричала, глядя в лицо человека, который был моим отцом, и не находила в нём ничего знакомого. Я трясла его за плечи, хлопала по щекам, звала по имени, на которое он больше не реагировал.

— Отец! Отец, посмотри на меня!

И он смотрел. Сквозь меня. В никуда.

— Отец, пожалуйста...

Грубая рука схватила меня за волосы и дёрнула назад. Я взвизгнула от боли и неожиданности, но хватка тут же ослабла, пальцы скользнули по прядям и остановились на затылке, заставляя меня поднять голову и посмотреть в чёрные глаза.

— Она была там? — спросил ардор Морвейн, не отрывая от меня взгляда.

Я не сразу поняла, что вопрос обращён не ко мне.

— Мы полагаем, — голос Эзры прозвучал где-то за спиной, сухой и бесстрастный, — он хотел спрятать их обоих. Успел только сына.

Пальцы на моём затылке чуть сжались. Не больно, но ощутимо.

— Если она была там, — голос ардора Морвейна стал тише, почти задумчивым, — значит, должна была видеть.

Он чуть наклонился ко мне, и я почувствовала запах пота, железа и чего-то ещё, терпкого, чужого, южного.

— Как тебя зовут?

Вопрос прозвучал мягко, почти ласково. От этой мягкости меня замутило.

Я молчала. Стиснув зубы, смотрела ему в глаза, пытаясь отыскать хоть каплю гордости или искру высокомерия, столь легко дававшегося отцу, но в голове был лишь белый шум, заглушаемый бешеным стуком сердца.

— Алианна, — выдохнула я.

Не потому, что хотела ответить, а потому что не могла не ответить.

— Алианна, — повторил он, пробуя моё имя на вкус, и я услышала в его голосе насмешливые нотки. — Ты была там, Алианна?

Я кивнула. Пальцы на затылке сжались сильнее.

— Куда ведёт проход?

— Я не знаю.

— Как твой отец открыл его?

— Я не знаю.

Его рука переместилась с затылка на подбородок. Пальцы сжали мою челюсть, не давая отвести взгляд.

— Не сопротивляйся, — спокойным тоном произнёс он. — Если не желаешь повторить судьбу отца.

Я хотела сказать, что предпочла бы сойти с ума, чем стоять перед ним на коленях и дрожать как загнанный зверь, но слова застряли в горле.

Его глаза вспыхнули.

Сначала я подумала, что это игра света, всего лишь отблеск зелёного пламени, всё ещё тлевшего в разрушенном зале. Но огонь не угасал. Он разгорался, заполняя радужку изумрудным сиянием, делая её прозрачной, нечеловеческой.

Я хотела отвернуться, но не могла.

И тогда ярко-зелёные искры сорвались с его зрачков и устремились в мои. Я почувствовала их физически. Горячие, колючие, они обжигали, проникали мне в голову, вскрывали память, как острый нож вскрывает раковину.

— Нет, — прошептала я. — Не надо...

Я попыталась выстроить стену, спрятать за ними воспоминания, но голова тут же взорвалась острой болью. Вскрикнув, я сдалась. Потому что поняла: ардор Морвейн ломает меня так же, как сломал отца, даже быстрее.

Воспоминания хлынули в обратном порядке, начиная с этого момента. Я увидела себя на коленях, увидела отца, безвольно лежащего на камнях, увидела чёрные сапоги, отступающие прочь. Картины сменяли друг друга с ураганной скоростью: коридоры, по которым мы бежали спиной вперёд, исчезающие преследователи, стена, расступающаяся перед братом...

Внезапно скорость замедлилась, и я поняла, что ардор Морвейн ищет. Не побег. Не страх. Не отчаяние. Он ищет то, что было до. Вот Альстэр выходит из прохода, отец чертит на стене знак. Губы его шевелятся, выкрикивая слова

Стоп.

Теперь воспоминание потекло в правильном направлении, и каждый миг растянулся, превратившись в вязкую патоку. Я вновь увидела пальцы отца, скользящие по камню, но, как ни вглядывалась, не могла рассмотреть символ, который мне загоразживала широкая фигура брата. Я вслушивалась в слова, но не слышала их из-за постоянного грохота.

Воспоминание повторилось снова, но уже медленнее.

Отец кричал. Альстэр заслонял стену. Грохот заглушал слова.

И снова.

Отец кричал. Альстэр заслонял стену. Грохот.

И снова.

— Бесполезно, — раздражённо бросил ардор Морвейн. — Она была там, но почти ничего не видела и не слышала.

Пальцы разжались. Зелёное сияние погасло, и я рухнула на пол, как подкошенная. Тело не слушалось, голова раскалывалась, перед глазами плыли разноцветные круги, а душу наполнял глубокий, введливый стыд за то, что сдалась так быстро.

— Уведите их, — равнодушно произнёс ардор Морвейн. — В темницу. Потом решу, что с ними делать.

Схватив за плечо, воин одним рывком поставил меня на ноги. Я попыталась вырваться, повернуться к нему, сказать хоть что-то, что вынудило бы ардора Морвейна остановиться.

— Что вы творите?! — мой голос сорвался на крик. — Моему отцу нужна помощь! Он умирает! Пожалуйста!

Но меня просто выволокли из тронного зала, а следом и отца. Темница оказалась сырой и мрачной. Запахи гнилой соломы, плесени и человеческих испражнений ударили в нос, когда нас втолкнули внутрь и заперли решётку. Голова гудела, к горлу подкатывала тошнота, но я должна была взять себя в руки.

Я помогла отцу дойти до кучи соломы в углу, бережно опустила его на сырое и грязное ложе. Сама села рядом.

— Держись, — шептала я, укладывая его голову себе на колени, вытирая слюну с подбородка рукавом платья. — Держись, папа. Мы выберемся. Альстэр нам поможет. Он вернётся. Он обязательно вернётся.

Отец не отвечал, а я сидела, прижимая его к себе, и ждала. Час. Другой. Третий. Но за решёткой никто не появлялся. Где-то далеко всё ещё грохотали камни и ревели драконы, но звуки становились тише, реже, словно город затихал, принимая свою новую судьбу. А мы ждали.

Глава 4

Время в темнице тянулось медленно. Казалось, про нас все забыли. Иногда стражник приносил хлеб и воду, ставил их на пол и уходил. В те короткие моменты, когда факел освещал лицо отца, я видела в его глазах всё ту же пустоту. Он лежал на куче гнилой соломы, смотрел в исчезающий во мраке потолок и беззвучно шевелил губами. Я звала его по имени, надеясь пробиться сквозь пелену охватившего его забытья, но он не отзывался.

Отец не узнавал меня и почти ничего не ел, не реагируя на мои уговоры. Кормить его было мучительно. Я размачивала хлеб в воде и осторожно вкладывала получившуюся кашу ему в рот. Он жевал медленно, часто просто выплёвывал еду, и она забивалась в его бороде, а я вытирала. Я не испытывала отвращения, только бесконечную, тупую боль в груди.

Когда отец засыпал, я сидела, привалившись к стене, и смотрела на решётку. Страх накатывал волнами. Я боялась, что нас казнят, боялась, что оставят гнить здесь, боялась, что отец умрёт, ведь он очень ослаб за эти дни. И я не понимала, почему на нас напали. Мы ни с кем не воевали, никому не угрожали, не претендовали на чужие земли. Тефария торговала, строила корабли, жила мирно с соседями. Мы даже не знали об этих драконах, пока они не появились на горизонте. А потом огонь, смерть, руины и этот человек на троне, который переломал моего отца как сухое дерево.

Я не могла смотреть, как отец угасает с каждым днём всё больше и больше, и всякий раз, когда стражник приносил еду, я заставляла себя подняться, подойти к решётке и, глядя в его равнодушное лицо, произносить одни и те же слова:

— Передайте ардору Морвейну, что я, Алианна Альдеран, принцесса Тефари, хочу с ним поговорить.

Стражник молчал, ставил деревянную миску и глиняный кувшин на пол и уходил. Но стоило ему вернуться, как я повторяла снова:

— Передайте ардору Морвейну, что я, Алианна Альдеран, хочу с ним поговорить.

И снова:

— Передайте ардору Морвейну, что я, Алианна

И снова:

— Передайте

Но все мои просьбы оставались без ответа.

Я не знала, сколько прошло времени с того дня, как нас с отцом отправили в темницу. В камере было невероятно холодно, порванное платье не грело, и чтобы не замёрзнуть, я прижималась к отцу. Он же лежал на спине и смотрел в темноту. Его уже ничего не трогало и не беспокоило. Возможно, из нас двоих он был более счастлив.

Внезапно я услышала Нет, даже не услышала, а почувствовала чьи-то шаги. Такие тяжёлые, размеренные, неторопливые. Подскочив на соломе, я замерла, вглядываясь в темноту. Это определённо был не стражник, приносящий нам еду. Его поступь я знала слишком хорошо.

Сначала я увидела зеленоватый огонь, парящий в воздухе, а затем высокую фигуру. Сердце зашло в сумасшедшем ритме, когда я поняла, что сюда спустился сам ардор Морвейн. Я так просила его о встрече, а теперь, когда он здесь, не могла пошевелиться от страха. Цепляясь за мокрые, холодные и неровные камни, я пыталась подняться, чтобы встретить завоевателя с гордо поднятой головой.

Чуть повозившись с замком, ардор Морвейн открыл дверь и вошёл в камеру. Казалось, он сразу же заполнил всё пространство. Нервно слотнув, я против воли вжалась в стену, пытаюсь стать меньше и незаметнее.

Ардор Морвейн явился один, без стражи и без оружия, одетый лишь в чёрную рубашку, растёгнутую у ворота, и кожаные штаны, заправленные в сапоги. Его волосы тёмными влаж-

ными прядями падали на плечи. Он пах мылом и южными пряностями, и этот запах заполнил камеру, вытесняя сырость и плесень. Ясно было, что ардор Морвейн принимал ванну незадолго, как спуститься сюда. Роскошь, абсолютно для меня недоступная. Я почувствовала себя замарашкой, и мне на краткий миг даже стало стыдно за своё изорванное грязное платье.

Он остановился в шаге от меня. Исходящий зелёными искрами шар, освещающий всё вокруг словно днём, застыл за его левым плечом. Опустив голову, я смотрела на его сапоги, чёрные, с металлическими накладками и боялась поднять взгляд.

— Посмотри на меня, — низким, с лёгкой хрипотцой, голосом произнёс ардор Морвейн. Я не пошевелилась.

— Я сказал, посмотри.

Его горячая ладонь легла мне на шею. Я вздрогнула, как от ожога, но не отшатнулась. Потому что было некуда. Его пальцы нашупали мой пульс, скользнули по горлу, приподняли подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. И я подчинилась.

Другой рукой ардор Морвейн медленно, почти лениво, отвёл в сторону спутанную прядь волос, упавшую мне на лицо. Он повернул мою голову вправо, потом влево, изучая, разглядывая, как ювелир разглядывает алмаз, оценивая чистоту, вес, прикидывая стоимость.

— Мне сообщили, что ты хотела меня видеть, Алианна Альдеран, — насмешливо проговорил он, — бывшая принцесса Тефари.

— Я — у меня перехватило дыхание от его бесцеремонных действий, кровь прилила к щекам от унижения.

Собрав по крупичам всю оставшуюся смелость, я отвела его руки от моего лица.

— Ты ещё брыкаешься, Алианна Альдеран. Это хорошо. Я не люблю сломанных кукол. Опершись ладонями об каменную кладку, ардор Морвейн навис надо мной.

— Так почему ты хотела меня видеть, принцесса? — последнее слово было сказано с явной иронией.

Зажмурившись, я сделала глубокий вдох.

— Мой отец долго не протянет, ему нужен лекарь.

Ардор Морвейн скользнул взглядом в сторону, туда, где лежал мой отец, безразлично рассматривая потолок.

— Он сам выбрал свою судьбу, — усмехнулся он.

— Я взываю к вашему милосердию, — не сдавалась я. — Мой отец побеждён и сломлен, он не представляет для вас никакой опасности. Умоляю, помогите ему. Выпустите его из темницы, пришлите лекаря.

— Прислать лекаря? — переспросил ардор Морвен. Потеряв к моему отцу всякий интерес, он вновь перевёл внимание на меня. Он наклонился ближе, и я почувствовала его дыхание, горячее, с лёгким запахом вина. — Расскажи мне, бывшая принцесса Тефари, что ты готова отдать, чтобы я приказал лекарю облегчить страдания твоего старика?

Его близость пугала. Он ещё ничего не сделал, но я каким-то внутренним чутьём осознавала, что он просто забавляется, растягивает удовольствие.

— Я не понимаю. Вы забрали всё. Мне нечего вам предложить.

— Не всё, — возразил он.

Ардор Морвейн медленно погладил мою шею костяшками пальцев, верх и вниз.

— Твоя покорность, вот что имеет цену, — продолжил он шёпотом. — Твой брат тебя бросил, твой отец сошёл с ума. Ты совершенно одна. И у тебя остался только один шанс выжить. И он полностью зависит от того, насколько низко ты сможешь склонить голову.

Отпустив меня, он оттолкнулся от стены и отступил на шаг. Ещё раз смерил меня взглядом и направился к выходу. Зелёный шар полетел за ним. Перед тем как уйти, ардор Морвейн обернулся:

— Завтра тебя приведут ко мне, — сказал он. — Не разочаруй меня, Алианна.

Глава 5

Шаги постепенно отдалялись и вскоре затихли. Зелёный свет, плясавший на стенах, померк, и камера вновь погрузилась во мрак. Ардор Морвейн ушёл. Последние силы оставили и ноги окончательно отказались меня держать. В изнеможении я сползла по стене. Где-то рядом тяжело и прерывисто дышал отец. Я слышала его хрипы. Каждый вдох давался ему с трудом, и я боялась, что следующий может стать последним.

Не в состоянии подняться, опираясь ладонями и коленями о грязный пол, я подползла к соломенной подстилке, как могла, уложила отца поудобнее. Я не видела, но знала, что он смотрит в темноту и улыбается счастливой улыбкой безумца.

— Папа, — прошептала я. — Я что-нибудь придумаю. Я вытащу нас.

Он не ответил.

Я села рядом, обхватив колени руками. В камере было тихо, только капли воды падали где-то в темноте, сводя с ума своей монотонностью.

— Лучше бы ты убил меня, — всхлипнула я. — Но ты не думал ни о ком, кроме Альстэра

Слова сорвались с губ, прежде чем я успела остановиться. Я зажала рот рукой и покосилась на лежащего рядом отца, такого беззащитного и сломленного. Как я, у которой есть руки, ноги, язык и разум, посмела жаловаться?

— Прости, — прошептала я. — Прости, папа, я не должна была так говорить. — Взяв его холодную руку, я прижала её к своей щеке. — Мы выберемся. Я обещаю.

Я осеклась. Что толку в пустых обещаниях? Разве я хоть что-то решаю? Моя жизнь и свобода зависят уже не от меня. Я закрыла глаза. Мысли в голове метались как звери в клетке, кусали друг друга, рвали на части.

Ардор Морвейн ясно дал понять, что ждёт от меня покорности. Какой? Он хочет сделать меня своей служанкой? Чтобы я чистила ему сапоги, прислуживала за столом? Или Кулаки бессильно жались. Я лучше умру, сгину во тьме, чем соглашусь на подобное.

В этот момент отец закашлялся, и я вздрогнула, прижала его руку ещё сильнее. Он умрёт, если я не повинуюсь. А если я соглашусь? Если стану игрушкой завоевателя? Что меня ждёт? В голову приходил лишь один ответ: позор. Позор на всю жизнь. Я никогда не смогу посмотреть честным людям в глаза.

Зато отец будет жив. Он получит лекаря, тепло и уход. Кто знает, а вдруг он снова обретёт разум? Если нет, то хотя бы не умрёт в грязи, один, забытый всеми. А там Может быть, Альстэр соберёт войско? Он же вернётся? Он не может не вернуться! Он отвоюет королевство и прогонит захватчиков! А значит, я должна выжить. Должна продержаться.

Я сжала пальцы отца, посмотрела в его пустые глаза.

— Я сделаю это, — прошептала я. — Для тебя. Для нас всех.

Отец не ответил, но мне показалось, что его дыхание стала спокойнее. Или мне просто хотелось так думать.

Утром или днём, я не была точно уверена во времени суток, за мной пришли. И как бы я ни настраивалась, как бы ни уговаривала себя накануне, сердце заколотилось в груди от страха, когда каменные своды темницы донесли до меня чьи-то шаги. Поцеловав отца в лоб, я встала, поправила висящее на мне мешком грязное, разорванное платье.

— Я вернусь, — прошептала я, хотя знала, что он меня не слышит.

Подошедший стражник отпер дверь и жестом велел следовать за ним.

Выйдя из темницы, я зажмурилась, глаза отвыкли от яркого света. Кое-как разлепив веки, я шла за стражником, и не сразу заметила, что коридоры изменились. Серые стены, которые я помнила с детства, исчезли. Вместо них поднимались гладкие, неестественно ровные, из тёмного, почти чёрного камня, и на них не было видно ни шва, ни следа кладки.

Я остановилась и провела пальцем по гладкой, словно стекло, поверхности: ни пылинки, ни трещинки. Это казалось невероятным. Как можно восстановить разрушенный дворец за считанные дни? Ответ был очевиден: то, что недоступно человеку, то подвластно магии. Настоящей, могущественной, забытой нашим народом.

Говорят, что раньше, в эпоху Великой Праматери, магия текла в крови тефарийцев, жрицы могли исцелять одним прикосновением и останавливать бури одной молитвой. Но затем пришёл культ Великого Отца, и старые знания постепенно забылись, выродились в простые фокусы и обряды. Остались только жалкие крохи: заговоры от болезней да гадания.

Портал, что отец открыл в подземелье, был лишь отголоском того, чем когда-то владели наши предки. Я поняла это сейчас, глядя на стены, которые не мог бы возвести ни один строитель. Империя Юга сохранила то, что потерял Запад.

Стражник привёл меня в небольшую комнату и тут же вышел, заперев дверь. Я огляделась. Из единственного окна лился солнечный свет. Стены были обиты тканью цвета слоновой кости, на полу расстелен ковёр. У окна находилась неширокая кушетка, а в противоположном углу — медная лохань, наполненная горячей водой. Рядом с ней, опустив головы, стояли две служанки. Одна из них бросила на меня несмелый взгляд, и я узнала её.

— Лисса?

Вздрыгнув и недоверчиво уставившись на меня, девушка охнула и тут же кинулась мне в ноги, схватила мою руку, прижалась губами к пальцам.

— Ваше Высочество! — дрожащим голосом проговорила она. — Хвала Великому Отцу! Вы живы! Я молилась за вас!

Я стояла, не в силах пошевелиться. Губы сами собой расплывались в улыбке. Лисса. Моя верная служанка. Она жива и невредима! Пожалуй, это первая хорошая новость за последние дни. Но как же неуместно прозвучали её слова. И эта её поза

— Встань, — попросила я. — Встань Лисса. И не называй меня больше «Ваше Высочество». Я уже не принцесса.

Она подняла на меня заплаканные глаза.

— Ваше Высочество, вы всегда будете нашей принцессой. Вы всегда можете на меня положиться. Что бы ни случилось, я

Я обхватила её за плечи, заставила подняться.

— Спасибо, — сказала я. — Спасибо, Лисса. Я Я рада, что ты здесь.

Она улыбнулась сквозь слёзы, и в этой улыбке было столько тепла и радости от нашей встречи, что у меня защемило сердце.

— Пойдёмте, Ваше Высочество, — произнесла она, быстрыми движениями вытирая слёзы. — Смоем с вас эту грязь. Просто ужас какой! Разве можно так обращаться с вами!

Я промолчала. Здесь правит сила. Кто сильнее, тот делает что пожелает, не обращая внимания на титулы и звания.

Служанки помогли мне раздеться. Платье, в котором я просидела в темнице, сняли и выбросили. Вода в лохани обжигала. Я опустилась в неё и неожиданно расслабилась. Какое же это блаженство, просто принять ванну. Лисса мыла мне волосы, тёрла кожу, смывая всю грязь. Когда с купанием было покончено, она облила меня чистой водой из кувшина и подала руку, чтобы я вышла. Служанки меня вытерли мягким полотенцем, умастили тело ароматными маслами, расчесали волосы, высушили их и заплели в косы.

Мне принесли льняную камизу и платье из тёмно-синего, почти чёрного, шёлка с серебряной вышивкой по подолу и рукавам. На шею надели ожерелье с драгоценными камнями, на запястья — браслеты, в уши — серьги. Туфли мне подали в тон платью.

— Вы красавица, Ваше Высочество, — с гордостью прошептала Лисса. — Наша принцесса.

Я горько усмехнулась.

— Что дальше? — спросила я.

Лисса замялась.

— Я не знаю, Ваше Высочество. Нам просто приказали служить вам.

Я подошла к двери, подёргала. Заперто. Вздохнув, опустилась на небольшой диванчик.

Глава 6

Ждать пришлось несколько часов. За это время Лисса немного рассказала мне, что творилось во дворце, после того как нас с отцом бросили в темницу. Разговор со служанкой немного отвлек меня от тягостных мыслей. Я сидела на кушетке, а Лисса опустилась на низкий табурет у моих ног, вторая служанка осталась стоять.

— Многие сдались сразу же, — поведала Лисса. — Простите, Ваше Высочество, но против драконов никто не выстоит. Я слышала, что герцог Торнмур был в тронном зале, когда Его Величество лишились разума. Он одним из первых присягнул ардору Морвейну. Он сказал: короля больше нет и надо сохранить то, что ещё можно сберечь. Многие последовали его примеру. — Хоть голос служанки и дрожал от негодования, сама она старалась не проявлять эмоций. — Говорят, ардор Морвейн оставил ему титул и земли.

В желудке противно зануло, и я закрыла глаза. Герцог Торнмур был двоюродным братом моего отца, его правой рукой, его ближайшим советником. И он первым склонил голову перед завоевателем, забыв все свои клятвы. Память тут же услужливо напомнила нашу собственную попытку бегства. Мне не оставалось ничего, только горько молчать.

Лисса сделала паузу в своём рассказе, но вскоре вновь заговорила, понизив голос до шёпота:

— До меня дошли слухи, что многие из тех, кто отказался сдаться, бежали на север, чтобы присоединиться к Его Светлости.

Она осеклась, посмотрела на меня с тревогой.

— Говорят, принц Альстэр жив и собирает армию, чтобы отвоевать Веронтис, нашу столицу.

Сердце пропустило удар. Я вцепилась в край кушетки, чувствуя, как немеют пальцы.

— Ты уверена?

— Это только слухи, Ваше Высочество, — поспешно исправилась Лисса. — Я не знаю, что из этого, правда. Но люди шепчутся, что герцог Торнмур предал не только короля, но и всю Тефарию, а те, у кого ещё есть совесть, ушли на север, к принцу.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова: Альстэр жив, портал вывел его на север, и теперь он собирает армию, чтобы вернуться. Надежда острыми иглами вонзилась в грудь, мешая дышать, но где-то в глубине таился страх: а что будет со мной, когда брат отвоеует Веронтис? Кого увидит он во мне: сестру, нуждающуюся в спасении, или предательницу, склонившую голову перед врагом?

— Много ли людей погибло? — спросила я, отгоняя эти мысли.

Лисса погрустнела.

— Не знаю, Ваше Высочество. В первый день было страшно. Драконы жгли всё подряд, казалось, не останется камня на камне. Они сожгли наш главный храм, — служанка всхлипнула и сжала кулаки на этих словах. — Но потом В это сложно поверить, но ардор Морвейн, этот узурпатор

— Т-с-с-с, — попросила я, поймав удивлённый взгляд служанки. — Вдруг нас подслушивают.

— Вы правы, — согласилась она. — В общем Он приказал остановиться и пощадить тех, кто сдаётся. — Она помолчала и добавила тихо: — Говорят, он сам облетал город на драконе Брр — её передёрнуло при мысли о полёте на крылатой твари. — Я бы в жизни не подошла к этому чуду, — вставила Лисса, подтверждая мои догадки. — Так вот, он следил, чтобы его солдаты не убивали почём зря и не мародёрствовали. Но тех, кто отказался сложить оружие, казнили.

— Ясно, — выдохнула я.

Сердце заныло при мысли о тех, кто сражался до последнего, о тех, для кого клятва верности не была пустым звуком. Увы, я ничем не могла им помочь. Ардор Морвейн сжёг столицу, уничтожил её защитников, но пощадил сдавшихся. В его действиях был смысл, ведь если он хочет править, то без подданных будет сложно это сделать.

— Несколько дней ушло на то, чтобы вновь отстроить стены, — с горечью продолжила Лисса. — Восстановили только среднюю часть и два этажа правого крыла. Левое до сих пор лежит в руинах. — Она понизила голос: — Ваше Высочество, это же невозможно отстроить то, что рассыпалось в пыль, но этот колдун Как его имя Эзра! — служанка оглянулась на дверь и убедилась, что та до сих пор закрыта. — Он лично руководил строительными работами. Я своими глазами видела, как он ходил по коридорам, что-то бормотал себе под нос и делал вот так.

Лисса подняла руки, поводила ими в воздухе, изображая колдовские пассы. На её лице читались одновременно восхищение и ужас.

— Как ладонью над камнем проведёт, что-то пробубнит, зелёным огнём прижжёт, так стена срастается. Без швов, без трещин. Словно всегда там была.

— Кошмар какой, — пробормотала я, ещё больше осознавая, с каким серьёзным противником предстоит сразиться Альстэру.

— Истину говорите, Выше Высочество! — Лисса торопливо осенила себя защитным знаком: провела двумя пальцами ото лба к груди и от правого плеча к левому.

Солнце уже окрасило горизонт в розовый цвет, когда я услышала в коридоре шаги и поднялась. Лисса тоже вскочила, поправила платье, одёрнула передник, извлекла из-под ворота маленький деревянный меч — грубо вырезанную фигурку на кожаном шнурке — и поднесла его к губам.

Перевёрнутый меч считался орудием Великого Отца, символом высшей справедливости. Вертикальная его часть означала путь от небес к земле, горизонтальная — распространение небесного закона среди людей.

— Благослови вас Великий Отец, — пробормотала Лисса, пряча амулет обратно. — И да хранит он вас, Ваше Высочество.

Шаги приближались. Я выпрямила спину, подняла голову, сложила руки перед собой. Внутри всё дрожало, но я заставила себя дышать ровно. Я не знала, чего ждать от этого визита. Но я знала одно: что бы ни случилось, я встречу это с достоинством. Не ради себя. Ради отца. Ради Лиссы и всех тех, кто смотрит на меня её глазами. Ради тех, кто ушёл на север, к брату, и верит, что Тефария ещё жива.

Глава 7

Дверь распахнулась. По обе стороны прохода стояли стражники. Гордо вскинув голову, я сделала шаг вперёд. Лисса со второй служанкой остались в комнате, а меня повели дальше по коридорам и лестницам.

Рыцарский зал встретил меня гулом голосов и звоном кубков. Раньше мой отец устраивал здесь пиры, но сегодня за его длинным столом, установленным вдоль трёх стен, расселись южане. Их громкие разговоры и грубый смех заполнили помещение, а воздух стал тяжёлым от запаха жареного мяса и пряного вина. Вместо факелов пространство теперь освещали магические зелёные огни.

Стоило мне появиться, как я тут же притянула к себе любопытные взгляды. Все разговоры мгновенно стихли, но тут же разгорелись с новым жаром. Кто-то яростно зашептался, а кто-то даже присвистнул, но я не обращала внимания, потому что смотрела во главу стола. Туда, где на резном кресле моего отца, расположился он. Дэмиан Морвейн.

Он не встал, когда меня привели, не повернул головы. Сидел, откинувшись на спинку, в чёрной, расшитой серебром, рубашке, и лениво поглаживал кубок. За его правым плечом замерла серая фигура мага. Эзра просто стоял, вытянув руки вдоль тела, и смотрел на зал из-под капюшона.

— Алианна Альдеран, — провозгласил Морвейн, и его голос заглушил весь шум, заставляя присутствующих отодвинуть тарелки и замолчать. — Дочь бывшего короля Тефарии и моя гостья. Прошу, присоединяйтесь к нашему пиру, леди Алианна. Он созван в честь победы мирракского оружия над тефарийским.

Я дёрнулась от его слов, как от пощёчины. Большого унижения он не мог придумать. «Рано празднуете!» — хотелось сказать мне, но я сдержалась. Мне не было страшно вновь оказаться в темнице, лучше уж там, в компании крыс, чем быть здесь, но отец этого не перенесёт. Тем временем Морвейн указал на место по правую руку от себя.

— Ну, хоть не у ног, — пробормотала я, хотя подобный поступок с его стороны был бы неувидителен.

Я шла по залу, чувствуя, как пьяные, оценивающие взгляды липнут к платью, к украшениям, к каждому моему шагу. Стараясь не дышать, села на указанное место, опустила голову, рассматривая тарелку и столовые приборы.

— Подними голову, — произнёс Морвейн негромко. — Посмотри на меня, на моих гостей.

Закусив губу, я подчинилась. И сразу же пожалела. В дальнем конце сидел герцог Торнмур со всем своим семейством: женой, сыновьями и дочерьми. Все в лучших одеждах, с кубками в руках. Они пили с южанами. С теми, что сжёг Веронтис.

Наши взгляды на мгновение пересеклись. Герцог Торнмур быстро отвернулся. Поднеся кубок к губам, он сделал большой глоток. Я смотрела на него и его семью, и меня охватывала горечь. Конечно, он был здесь не единственным, кто перешёл на сторону завоевателей, но от его предательства становилось особенно тошно. А хуже всего было то, что я даже не была вправе его осуждать.

— Ешь, — голос Морвейна вернул меня к реальности.

Передо мной стояли блюда с запечённым мясом, свежим хлебом, фруктами и сырами. Всего этого я была лишена в темнице. Запахи еды дурманили, и желудок отозвался голодным спазмом. Уже несколько часов у меня во рту не было ни крошки, но стоило мне откусить немного хлеба, как горло сжалось. Я жевала, не чувствуя вкуса, и не могла проглотить.

Морвейн наблюдал за мной. И под его взглядом мне окончательно расхотелось есть. С трудом проглотив кусок хлеба, я отодвинула от себя тарелку.

— Ты ничего не ешь, — заметил Морвейн.

— Что-то не хочется, — ответила я.

Тогда он взял виноград, оторвал от грозди ягоду и поднёс к моим губам.

— Открой рот, — произнёс он.

— Что? — я не успела возмутиться, как виноградина упала мне на язык.

— Жуй, — приказал он, и я подчинилась. Просто не посмела выплюнуть.

Лицо пылало огнём от испытанного унижения.

— Пей, — Морвейн пододвинул мне кубок.

Я сделала глоток. Вино было крепким, терпким, обжигающим горло. Я отставила кубок, но Морвейн тут же пододвинул его обратно.

— Ещё.

И я пила, пока он не сказал:

— Хватит.

Он кормил меня. Оказалось, Морвейн умеет пользоваться столовыми приборами. С помощью ножа и вилки он отрезал куски мяса и подносил их к моим губам. Жар заливал щёки и шею, я видела, как в меня впиваются острые взгляды южан, слышала их перешёптывания. Морвейн показывал всем, кто я теперь.

— Не смотри на них, Алианна — усмехнулся он. — Смотри на меня.

И я смотрела. В его глазах не было жестокости. Только спокойствие и удовлетворение.

Играла музыка. Пир шёл своим чередом. Воины пили, смеялись, спорили друг с другом. Кто-то опьянел настолько, что спал, уронив голову на сложенные руки. Кто-то пытался танцевать, но заплетающиеся ноги плохо слушались.

Этого рыжего воина я заметила не сразу. Он сидел через несколько мест от меня, пил кубок за кубком, бросая в мою сторону тяжёлые, пьяные взгляды. И вот он встал. Пошатнулся, схватился за край стола, выпрямился, пошёл к нам. Кто-то попытался его остановить, но он отмахнулся.

— Ардор Морвейн, — заплетающимся языком проговорил воин. — Позволь пригласить твою гостью на танец.

Мирраксец остановился передо мной, протянул руку. От него разило вином и потом.

— Иди сюда, прекрасная Алианна, — хмыкнул он. — Покажи, как танцуют тефарийки.

Я не двигалась, смотрела на его грязные, жирные пальцы, и внутри всё переворачивалось от отвращения. Изогнув бровь, Морвейн подался чуть вперёд.

— Пошёл прочь отсюда.

— Но я Я

Рыжий замер, посмотрел на ардора, потом на меня, потом снова на ардора.

— Ты меня слышал?

И рыжий отступил. Побледнел, поклонился, пробормотал что-то о вине, ударившем в голову. Морвейн не слушал. Он смотрел на меня, и в глубине его глаз замерцал огонь.

— Ты тоже иди, — сказал он. — Тебя проводят.

Глава 8

Я поднялась из-за стола и вышла из рыцарского зала, ловя на себе насмешливые взгляды тех, кого вино ещё не успело свалить. Стражники повели меня дальше по бесконечно тянущимся коридорам. Чёрные, освещённые зелёными огнями вместо факелов, они были мне родными и чужими одновременно. Мы прошли несколько поворотов, поднялись по лестнице и остановился у до боли знакомой двери.

— Ардор Морвейн приказал привести вас сюда, — сообщил один из стражников.

Дверь передо мной распахнули, и я вошла в покои моего отца. Я узнавала их по высоким стрельчатым окнам, по искусно выложенному камину, по балкону, с которого отец обозревал весь город. Всё остальное изменилось. Убрали широкую дубовую кровать, которую я помнила с детства. Вместо неё стояла другая, застеленная чёрным шёлком. Стол, где отец разбирал свитки, и ковёр у камина тоже заменили. На стенах не осталось портретов. В груди тоскливо зануло, когда я поняла, что не вижу изображения матери. И запах, древесный, с нотками старого пергамента выветрился, сменившись ароматом южных пряностей. Несомненно, Дэмиан Морвейн выбрал лучшее, что было во дворце.

Встав нерешительно в центре комнаты, я осмотрелась. Взгляд прошёлся по новой мебели и остановился на приоткрытых балконных дверях. Лёгкий ветерок колыхал занавески, и я поняла, что задохнусь, если сейчас же не выйду на воздух. Стоило мне переступить порог, как в лицо ударила ночная свежесть. Я жадно глотала её ртом и не могла насытиться. Подойдя к перилам, бросила взгляд на столицу и зажала рот руками, чтобы не закричать. Город был чёрным.

Я помнила Веронтис другим. Сияющим. Где теперь остроконечные крыши храмов? Оббитые золотом, они отражали свет днем, превращая столицу в сияющую драгоценность. Где дома, в окнах которых по ночам зажигались огни, а факелы на их стенах освещали улицы и площади. Все это теперь превратилось в развалины.

Напряжённо вглядываясь во тьму, я увидела Храм Великого Отца и застонала. Провалившаяся крыша, разрушенные стены, зияющие чернотой разбитые окна — всё, что осталось от бывшего великолепия. Сложив пальцы, я провела ото лба к груди, от правого плеча к левому, продолжая всматриваться вдаль.

Где-то на окраине находились кварталы бедняков. Увы, света луны и звёзд было недостаточно, чтобы разглядеть их. Там среди убогих, ветхих лачуг, стоял небольшой домик — школа для бедных с одной стороны, и больница для них же с другой.

Я помнила, как долго уговаривала отца выделить на неё средства. Он не желал тратить казну: деньги требовались для флота, крепостей и приёмов послов. Я спорила, доказывала, приводила доводы. В конце концов, просто продала что-то из своих украшений. Нашла учителя, договорилась с лекарем. Отец был очень зол на меня за самоуправство. Он отчитывал меня несколько часов, пока за меня не заступился Альстэр. Тогда отец велел мне не показываться ему на глаза несколько дней.

Помотала головой, прогоняя непрощенные воспоминания. Что толку ворошить былое? Надо думать, как быть сейчас. Где теперь те дети? Живы ли? Где их родители? Разбежались? Сгорели? А вдруг их убили на улицах ещё в самый первый день? С силой вцепилась в перила и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

Чувство чужого присутствия пришло раньше, чем я услышала шаги. Волосы стянуло на затылке, кожу словно обожгло огнём. Я вздрогнула и медленно повернулась. Дэмиан Морвейн стоял в проёме балконных дверей, привалившись плечом к откосу, и смотрел на меня.

— Нравится? — негромко спросил он.

Вопрос, на мой взгляд, был настолько неуместен, что я даже не сразу поняла, что он имеет в виду роскошную обстановку, а не сожжённый город.

— Это покои моего отца, — с горечью произнесла я.

— Это покои правителя Тефарии, — отрезал он. — То есть мои.

«Вы так уверены?» Эти горькие, язвительные слова едва не сорвались с губ, но я вовремя прикусила язык. Взгляд его тёмных глаз был слишком пронизательным. Спорить с тем, кто держит в руках твою жизнь и жизни тысяч подданных, было бы безумием.

Дэмиан Морвейн шагнул на балкон и остановился рядом. Я лишь сильнее вжалась в перила. Отступить было некуда.

— Ночи уже холодные, Алианна, — сказал он. — Зайди.

Я не пошевелилась. Меня начала бить дрожь, но не от ночной свежести. Просто я знала, что сейчас произойдёт.

Он протянул руку ладонью вверх и чуть шевельнул пальцами:

— Ну же. Я жду.

Проигнорировав его жест, я на подкашивающихся ногах прошла в комнату и остановилась у кровати. Всё равно этого не избежать, так зачем откладывать? Дэмиан Морвейн последовал за мной. Он закрыл балконные двери и остановился. Я смотрела на его спину, на его широкие плечи и ждала.

— Зачем вы унизили меня перед всеми? — спросила я, вспомнив недавний пир.

Он обернулся.

— Я всего лишь показал, что всё в Тефарии принадлежит мне, — усмехнулся он. — Даже принцесса. И чем дольше ты это отрицаешь, тем хуже для тебя. Просто прими свою судьбу.

Чуть повозившись с ремнём, он расстегнул его и отбросил в сторону.

— Сними платье, Алианна. Я хочу на тебя посмотреть.

Я не шелохнулась. Дэмиан Морвейн досадливо поморщился.

— Твой отец получил лекаря. Сейчас он находится в комнате гораздо меньшей, чем эта, но достаточно сухой и чистой. Завтра я прикажу тебя отвезти к нему, чтобы ты лично в этом убедилась.

Я вздрогнула. Меня бросило в жар. Непослушными пальцами взялась за шнуровку. В носу нещадно щипало, и я изо всех сил закусила губу. Рот наполнился привкусом металла. Я срывала украшения, нервно дёргала за пряжки и пуговицы. Наконец, платье сползло к ногам, и я осталась во льняной камизе, расшитой по подолу. Вскинув голову, упёрлась в стену невидящим взглядом и ждала дальнейших распоряжений.

— Распусти волосы, — услышала я новый приказ.

Подняв руки, я принялась расплетать косы. Шпильки выскользнули из ослабевших пальцев, звякнули о каменный пол. Волосы тяжёлым густым покрывалом рассыпались по спине и плечам. До меня донёсся судорожный вздох, но я не посмотрела в сторону Дэмиана Морвейна. Не смогла себя заставить.

— Ложись в постель, Алианна

Откинув одеяло, я скользнула на холодные простыни и зажмурилась: нужно просто перетерпеть. Я слышала, как он раздевается, как идёт ко мне, почувствовала, как прогнулась кровать под его весом. Тяжёлая рука легла мне на талию, и я вздрогнула. Ладонь скользнула выше, откинула со лба волосы, погладила по щеке, чуть задержалась на подбородке.

— Посмотри на меня, — прозвучал его голос у самого уха, заставив моё сердце провалиться куда-то в пятки.

Глава 9

— Нет, — я отчаянно замотала головой, зажмуриваясь ещё сильнее.

— Посмотри на меня, Алианна, — повторил Дэмиан с лёгкой хрипотцой в голосе. Нависнув надо мной, он пальцами погладил меня по лицу, нежно, почти невесомо, прошёлся по шее, чуть коснулся груди. — Открой глаза, девочка.

Его прикосновения обжигали. Он не угрожал, но что-то в его голосе заставило меня подчиниться. Несмело распахнув ресницы, я посмотрела на него и едва удержалась, чтобы не зажмуриться снова. Я впервые увидела обнажённого мужчину, да ещё так близко. Под его кожей бугрились мышцы, перекатывались при каждом движении. Грудь и плечи были покрыты сетью старых, давно заживших ран.

— Дотронься до меня, — услышала я и тут же вскрикнула:

— Нет!

С лёгким смешком Дэмиан взял мою ладонь и положил себе на грудь. Мне показалось, что я прикоснулась к пышущей жаром стали. Я тут же отдернула руку, что вызвало у Дэмиана улыбку.

— Ты привыкнешь ко мне, — пообещал он.

— Нет.

— Принцесса по имени Нет, — усмехнулся он.

Дэмиан не торопился. Подняв меня под себя, он внимательно вглядывался мне в лицо, продолжая ладонью изучать моё тело. Его ласки постепенно становились все откровеннее и откровеннее, заставляя меня деревенеть.

— Твои глаза, — задумчиво произнёс он. — Они сейчас совершенно другого цвета. Обычно они голубые, словно небо, а теперь лиловые, как весенние ирисы. Совсем как тогда, в тронном зале.

Я попыталась отвернуться, но Дэмиан обхватил пальцами мой подбородок, не давая отвести взгляд. Я мысленно простонала: мои глаза всегда меня выдавали. В минуту сильного душевного волнения, будь то страх, стыд или что-то ещё, они становились лиловыми. Эта особенность досталась мне от матери. И вот теперь об этом знает и мой поработоритель.

— Да, — негромко добавил Дэмиан. — Тогда я входил в твою память, а сейчас Ты боишься, — заключил он и нахмурился. — Твои глаза меняют цвет, когда ты боишься.

Я не ответила и вздрогнула, когда он провёл большим пальцем мне по губам, чуть надавив на не успевшую зажить ранку. Тело напряглось, когда его ладонь скользнула по груди, бедру, приподняла подол камизы, коснулась нежной кожи. Я инстинктивно сжала ноги.

— Расслабься, — прошептал он. — И смотри на меня.

Каким-то внутренним чутьём я понимала, что сейчас произойдёт, но послушно смотрела ему в глаза. Его зрачки расширились, поглощая радужку, и в их глубине вспыхнул изумрудный огонь, и с каждой секундой он разгорался всё ярче. Я ждала, что Дэмиан вновь влезет в мой разум, но вместо этого по телу начало разливаться странное тепло, плотной пеленой окутывающее сознание. Страх ушёл, сменился непонятным мне жаром.

Этот жар родился где-то внизу живота, растекался по бёдрам, поднимался к груди, к горлу, к лицу. Жадный, лихорадочный, он выжигал мысли о разрушенном городе, об отце, о брате, о защитниках Веронтиса, о школе на окраине. Всё становилось неважным, серым, далёким. Оставался только этот жар. И он, Дэмиан.

Мои руки, которые мгновение назад судорожно сжимали простыни, сами собой потянулись к нему, и я не могла их остановить. Пальцы коснулись его плеч, скользнули по спине, и я почувствовала, как напряжены его мышцы, как горяча кожа. Моё тело предавало меня. Оно

откликалось на чужой зов с пугающей готовностью, изгибалось, тянулось, требовало. Откуда со стороны послышался сладострастный стон, и я с удивлением узнала свой голос.

Губы горели от поцелуев, кожа пылала от прикосновений. Я сама стянула с себя камизу, желая лишь одного: теснее прижаться к телу Дэмиана, чувствовать его, плавиться от невыносимого жара вместе с ним. И когда он опустился на меня, я лишь блаженно выдохнула. Я жаждала продолжения, но какого, ещё не знала сама.

— Сейчас, девочка, — прохрипел Дэмиан, располагаясь у меня между ног и резко задвигая бёдрами.

Его вторжение принесло боль. Резкая, пронзительная, она пробила зелёное марево, на мгновение вернув меня в реальность. Я вскрикнула. Дэмиан замер, его лицо застыло. Волосы прилипли ко лбу, влажные от пота. Его глаза горели зелёным огнём. Я попыталась оттолкнуть его, но стоило ему прильнуть ко мне губами и качнуть бёдрами, как боль отступила, и жар разгорелся с новой силой.

Я забыла, как дышать. Каждое его движение отзывалось во мне острой вспышкой. Я металась, стонала, до крови царапала его плечи. Он не останавливался, не сбавлял темп. Моё тело уже не просто откликалось. Широко раскинув ноги, я принимала Дэмиана и мечтала, чтобы это никогда не заканчивалось. Я хотела чувствовать его плоть в себе вечно, слышать его рваное дыхание, стонать и извиваться под ним. Если бы я только знала раньше, какое это удовольствие принадлежать ему, подчиняться, гореть с ним!

Жар нарастал, сжимался в тугий узел внизу живота, и, наконец, взорвался миллионом красочных искр, разлился по телу огнём. Следом, издав дикий рык, содрогнулся и Дэмиан. Уткнувшись лицом в мои волосы, он продолжал ещё некоторое время вбиваться в меня, а затем затих, перекатился на спину. Он лежал рядом, уставившись в потолок и восстанавливая дыхание. Зелёное марево медленно отпускало, возвращая сознание, мысли и боль.

Дэмиан сел на край кровати. Я видела его широкую спину, покрытую длинными ещё кровоточащими царапинами, оставленными мной.

— Уходи, — произнёс он ровным голосом, будто ничего не произошло. — Я предпочитаю спать один. Тебя проводят.

Он словно ударил меня этими словами. Глотая ртом воздух от стыда и унижения, я натянула на себя одеяло. Если бы можно было провалиться сквозь землю, я бы непременно это сделала. Воспоминания о том, как ещё недавно сама бесстыдно под ним выгибалась, жгли разум. И вот теперь он выгонял меня из покоев, словно какую-то блудницу, приведённую с улицы Вечноцветущих Орхидей.

На простынях осталось красное пятно — символ моего бесчестия. Я старалась не смотреть в ту сторону. Кое-как нацепив на себя камизу, я нашла платье, но поняла, что не смогу надеть его сама. Я завернулась в одеяло, и на подкашивающихся ногах, цепляясь за мебель и стены, направилась к выходу.

Глава 10

Стражники ждали меня в коридоре. Один стоял у двери, второй чуть поодаль. Я не смотрела на них, но краем глаза увидела, как тот, кто был ближе, усмехнулся, быстро, грязно и понимающе. Он всё понял. Они оба всё поняли, и к утру об этом будет знать весь дворец.

— Я проведу вас в ваши покои, леди Алианна, — произнёс стражник.

Закутавшись поплотнее в одеяло, я поплелась за ним, шаркая босыми ногами по каменному полу. Второй последовал за нами. Голова гудела, затылок ныл тупой, тянущей болью, и я почти не соображала, куда меня ведут. Я видела только спину стражника впереди, его чёрный плащ и перевязь меча.

Меня вновь вели по коридорам и лестницам. Ноги замёрзли, и каждый шаг давался с трудом. Наконец, мы остановились перед одной из дверей. Стражник открыл её, и я вошла.

Комната оказалась небольшой и почти пустой. Узкое окно выходило во внутренний двор, и через него сочился тусклый свет раннего утра. У стены стояла деревянная кровать, застелённая серым шерстяным одеялом, рядом с ней была кинута шкура. Стол, два табурета и сундук.

Меня привели в гостевые покои. Наверное, здесь размещали графов, баронов и их свиту во время приезда на королевские балы. Никогда не думала, что буду жить в одной из них.

За спиной я услышала, как закрылась дверь, и обернулась. Стражники ушли, и я осталась одна. На двери был засов, но у меня не было сил даже закрыть его. Кое-как доплелась до кровати и рухнула. Свернулась калачиком, вцепилась в подушку, вжалась в неё лицом, и моё тело сотряслось в беззвучных рыданиях.

Я не плакала. Не могла. Слёзы подступали к горлу, жгли глаза, но не лились. Только спазмы, только судорожные вздохи, только немой, звериный вой, который рвался наружу, но застревал где-то в груди.

Дэмиан Морвейн забрал у меня честь и вышвырнул как ненужную вещь.

Я ждалась ещё сильнее, пытаюсь стать меньше, незаметнее. Тело болело, особенно там, где он прикасался, между ног саднило. Стоило закрыть глаза, как я вновь слышала его хриплый шёпот, скрип кровати, собственные стоны. Лучше мне вообще исчезнуть. Вот бы наступило утро, а от меня на постели осталась только вмятина. А может, мне сойти с ума, как отец? Навсегда уйти в мир иллюзий и улыбаться счастливой улыбкой безумца. Ничего не помнить и не чувствовать.

Отец

Мысль о нём заставила меня вынырнуть из бесконечного круга самосожаления. Вспомнились слова Морвейна, что его поселили в чистой комнате и уже прислали лекаря. Он в тепле и сухости, за ним будет уход. Я смогу его увидеть. Он не умрёт в грязи, забытый всеми.

А значит, всё было не зря.

— Не зря, — шептала я себе под нос снова и снова. — Всё было не зря.

И чем чаще я это повторяла, тем слабее становилась боль.

— Не зря! Не зря! Не зря! — бормотала я, закрыв глаза и вжавшись в подушку.

Надо только говорить, постоянно напоминать себе, не останавливаться.

— Ваше Высочество! — громкий окрик Лиссы резко выдернул меня из прострации, в которую я впала от звука собственного голоса.

Я открыла глаза. Служанка стояла на пороге, бледная, с большим медным тазом в руках.

— Лисса? — еле ворочая языком, проговорила я.

Она бросилась ко мне, упала на колени у кровати, обхватила и расцеловала мои ладони.

— Ваше Высочество! — запричитала она, глядя меня по волосам, по спине. — Что с вами сделали?!

Я смотрела в её глаза и видела лишь любовь и искреннюю заботу. Они разрушили плотину внутри меня, и рыдания прорвались наружу. Громкие. С воем и всхлипами. С солёными слезами, текущими по щекам, заливающими кривящийся рот, капающими на руки Лиссы. Я плакала навзрыд, как ребёнок, которому больно, страшно и одиноко.

— Плачьте, Ваше Высочество, плачьте, — шептала Лисса, продолжая гладить меня и прижимать к себе. — Так лучше. Так легче.

Я плакала долго. Пока не кончились слёзы, пока не заныла голова, пока в груди не осталась только пустота. Лисса ждала, сидела рядом и гладила.

— Вам надо искупаться, — сказала она, наконец, когда я затихла. — Ванну я достать не смогу, но зато я нашла таз и сейчас принесу кувшин с горячей водой.

Она выскользнула из комнаты и через некоторое время вернулась с большим кувшином, налила из него в таз немного воды, проверила пальцами и ободряюще улыбнулась. Я кое-как поднялась с постели, стянула камизу.

Лисса мыла меня молча, старательно тёрла жёсткой мочалкой. Вода стекала по груди, по животу, по бёдрам, смывая его прикосновения и запах. Когда всё закончилось, она открыла сундук, достала оттуда большое полотенце и чистую сорочку. Помогла мне вытереться, одеться и дойти до кровати. Я легла, и она укрыла меня одеялом.

— Куда ты? — спросила я, когда она направилась к двери. — Не оставляй меня.

— Я только сбегая на кухню и принесу вам успокаивающий чай с травами, — пообещала Лисса. — Чтобы лучше спалось.

— Ладно, — пробормотала я.

Ждать её пришлось недолго. В руках Лисса держала чашку с дымящейся ароматной жидкостью.

— Держите, — служанка протянула мне отвар. — Здесь мята для сна и корень пустоцвета.

— Корень пустоцвета? — не поняла я. — Впервые слышу.

— Ну — Лисса замялась. — В народе так говорят. Лекари и травники называют этот цветок уж слишком мудрено, не запомнишь. Не бойтесь. Женщины пьют чай с ним веками. Он поможет вам пережить эту ночь без последствий.

Кивнув, я обхватила чашку ладонями, прижалась к краю губами. Отвар немного горчил, пах мятой и чем-то ещё незнакомым. Я пила медленно, маленькими глоточками, чувствуя, как тепло разливается по груди, расслабляет мышцы, гасит дрожь.

— Ложитесь, Ваше Высочество, — сказала Лисса, забирая опустевшую чашку.

Я легла. Служанка села в изголовье, поправила подушку, укрыла меня одеялом. Потом взяла мою голову, положила себе на колени и начала гладить по волосам.

— Спи, — прошептала она. — Я посижу с вами.

Я закрыла глаза. Её пальцы скользили по моим волосам, распутывали пряди, расслабляя и убаюкивая. Медленно, очень медленно я проваливалась в сон, слушая, как бьётся сердце, как пульсирует боль в затылке, как где-то глубоко внутри рождается ненависть.

Глава 11

В реальность я возвращалась медленно, с неохотой, продираясь сквозь тяжёлую, вязкую пелену, в которую провалилась после травяного чая Лиссы. Снов не было. Или были, но я не запомнила их. Пожалуй, это даже к лучшему.

— Ваше Высочество, — негромко позвала Лисса. — Уже полдень. Пора вставать. Я вам обед принесла.

Я открыла глаза и несколько минут просто хлопала ресницами, пытаясь понять, где я, кто я, почему я здесь. Я не помнила этих стен, никогда раньше я не спала на этой кровати. Воспоминания обрушились лавиной, заставив крепко стиснуть зубы. В носу отчаянно зашипало, но я переборола себя. Хватит. Отплакала.

Вопреки моему настроению, из окна лился яркий солнечный свет, доносился весёлый щебет птиц, напоминая о том, что жизнь ещё продолжается. Я приподнялась на кровати, и Лисса помогла мне сесть.

— Я принесла вам платье, — сообщила она и указала на сундук, на крышке которого лежал наряд из светло-зелёного шёлка. — И украшения тоже.

Служанка протянула мне маленькую шкатулку. Внутри находилось несколько пар серебряных серёжек с полудрагоценными камнями и в комплект им цепочки. Скромно. Не как принцессе. Но и не как служанке. Лисса не сказала, кто передал мне их, а я не стала спрашивать. Вряд ли мне понравится ответ.

Лисса помогла мне одеться. Платье оказалось немного не по размеру, но служанка умело затянула шнуровку там, где надо, подбила подол, достав из кармана передника нитку с иглой. После чего усадила на табурет перед маленьким тусклым зеркалом, которое тоже нашла в сундуке, и принялась заплетать косы. А я смотрела в своё отражение, бледное, с синяками под глазами, с искусанными губами, и испытывала какой-то дикий стыд за свой внешний вид, хотя моей вины в том не было.

— Готово, Ваше Высочество, — сказала Лисса, закрепляя косы шпильками.

— Спасибо, — кивнула я и поднялась. Сегодня ноги держали меня лучше, чем вчера.

При выходе из комнаты меня ожидал неприятный сюрприз. Стражники. Они были здесь. Уже другие, сменившие предыдущих.

— Я могу покинуть комнату? — спросила я.

— Во дворце вы вольны идти куда угодно, леди Алианна, — ответил один из стражников. — Но нам велено всюду вас сопровождать. Для вашей же безопасности.

Ну конечно: сопровождать, следить, контролировать. Чтобы не сбежала, не натворила глупостей, не нашла союзников. Я кивнула, принимая правила игры, в которую меня заставили играть.

— Вы знаете, где находится король Годрик? — спросила я.

Стражник чуть склонил голову.

— Мы знаем, где ваш отец, леди Алианна.

— Тогда ведите.

И мы вновь вступили в этот лабиринт из коридоров и лестниц.

Комната отца находилась почти под самой крышей и оказалась ещё меньше моей. Зато здесь было светло, тепло, чисто, и окно выходило в сад. Дверь была приоткрыта. Я вошла без стука и замерла.

Отец полулежал на постели, одетый, опрятный. Борода, которую я помнила спутанной и грязной, была острижена, волосы тоже. От него приятно пахло лекарственными травами и мылом.

На столике у кровати стояла миска с жидкой кашей, и пожилой лекарь терпеливо подносил ложку к губам отца. Отец открывал рот и глотал. На меня он не посмотрел.

— Леди Алианна, — лекарь поднялся и поклонился.

— Как он? — спросила я ровным голосом, хотя всё внутри дрожало.

Лекарь помедлил, вытер руки о тряпицу, висевшую у него на поясе.

— Я могу залечить его язвы на коже, леди Алианна. Могу заставить желудок принимать пищу. Могу следить, чтобы он не простудился, и чтобы ему было тепло и сухо. — Он тяжело вздохнул. — Но на этом мои познания заканчиваются. Его разум заперт. И ключи, боюсь, потеряны навсегда.

Я смотрела на отца. Он жевал кашу, бездумно уставившись в пустоту перед собой. По подбородку стекла тонкая струйка. Лекарь вытер её тряпицей, и отец даже не заметил.

— Спасибо, — сказала я. — За то, что делаете.

Лекарь поклонился. Я постояла ещё немного, глядя на отца, на его чистое лицо, на остриженную бороду. Я хотела подойти, взять его за руку, сказать, что я здесь, что я рядом. Но не смогла. Слишком больно было видеть его при ясном свете дня таким, какой он стал.

Я вышла. Стражники ждали в коридоре.

— Я хочу подышать свежим воздухом, — сказала я. — Мне разрешено гулять в саду?

— Да, леди Алианна.

Во дворе было многолюдно. У ворот стояли вооружённые стражники, слуги спешили по своим делам. Солнце радовало ласковыми лучами. Я огляделась по сторонам и замерла. Лисса была права. Правое крыло ещё не было окончательно восстановлено, а левое до сих пор лежало в руинах. Слышать об этом было горько, но видеть собственными глазами оказалось невыносимо. А хуже всего, что там, где когда-то развевались знамёна Тефарии — золотое солнце на голубом небосводе, — теперь висели другие. Красные полотнища с чёрной вышитой головой дракона. Штандарты завоевателя.

К горлу подкатила тошнота, и я отвернулась, устремила взгляд себе под ноги.

— Леди Алианна?

Я подняла голову. Навстречу мне шёл молодой мужчина в чёрном камзоле, с золотой цепью на шее. Один из тех, кто присягнул Морвейну. Я видела его на пиру. Он сидел недалеко от герцога Торнмура.

— Леди Алианна, — повторил он кланяясь. — Какая приятная встреча. Рад видеть вас в добром здравии.

Я смотрела на него и не могла понять: он говорит сейчас искренне или издевается? Мужчина улыбался вежливо, даже немного подобострастно, но в глазах читалось любопытство. Ему хотелось знать, я уже побывала в постели Морвейна, или мне только предстоит там оказаться?

— Благодарю, — холодно ответила я.

Он кивнул, ещё раз поклонился и пошёл дальше. Я проводила его взглядом и увидела других представителей Тефарийской знати, перешедших на сторону завоевателя. Они выходили из дворца, садились на коней, переговаривались, смеялись. Заметив меня, одни отворачивались, вторые кланялись, но неглубоко, без особого уважения. Как кланяются человеку, от которого ничего не зависит.

Я жала кулаки и пошла к воротам, но далеко уйти мне не дали.

— Леди Алианна, — проговорил один из стражников, хватая меня за рукав. — Вам туда нельзя без особого разрешения.

— Кто его может дать? — процедила я сквозь зубы, уже зная ответ.

— Ардор Морвейн, — пожал он плечами. — Или Эзра.

— Ясно, — пробормотала я.

Ни с тем, ни с другим общаться не было ни малейшего желания.

Глава 12

Я вернулась в комнату, стражники остались за дверью. Опустившись на кровать, я обвела взглядом унылую обстановку. Заняться здесь было абсолютно нечем. Чуть подумав, встала и подошла к сундуку, откинула крышку. Внутри оказались платья, сорочки, постельные принадлежности, полотенца и всяческая полезная утварь.

Внезапно дверь открылась и в комнату вошла Лисса. В руках она несла корзину, из которой торчала какая-то ткань, нитки и что-то ещё.

— Ваше Высочество, — Лисса поставила свою ношу на стол. — Я тут подумала, вдруг вы захотите закончить ваше покрывало с лебедями на пруду?

Я подошла ближе. В корзине лежали пяльцы с почти готовой работой: белоснежные лебеди качаются на тёмно-синих волнах, камыши, отражение луны в воде. Я помнила, как начинала её прошлой весной, когда дни казались радостными и беззаботными.

— Спасибо, — поблагодарила я дрогнувшим голосом. — Откуда у тебя это покрывало?

— Я сохранила, Ваше Высочество, — тихо ответила Лисса. — После того как дворец захватили, я пробралась в вашу комнату и забрала что смогла. Думала, может, пригодится.

Я взяла ткань, провела пальцами по вышитым лебедям. Они были как живые. Я тогда хотела подарить покрывало отцу на его день рождения. Но теперь он не узнает даже собственного имени.

Сев к окну, я положила пяльцы на колени, взяла иголку, сделала стежок, потом ещё один. Работа отвлекла от невесёлых мыслей и воспоминаний. Лисса села рядом, достала своё рукоделие: дырявые простыни, нуждающиеся в штопке. Так мы просидели с ней, пока солнце не начало клониться к закату.

Вечером Лисса принесла ужин: горячую похлёбку, хлеб, кружку тёплого молока. Я заставила себя съесть почти всё, хотя еда не лезла в горло. Служанка отнесла на кухню пустой поднос. Её долго не было, и я успела занервничать: не случилось ли чего? Но через некоторое время Лисса вернулась с соломенным тюфяком. Пыхтя и кряхтя, она кое-как дотащила его до угла и прикрыла старым одеялом.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Буду здесь спать, Ваше Высочество, — ответила она, усаживаясь на импровизированное ложе. — Чтобы быть всегда рядом. Вдруг, что понадобится.

— Спасибо, Лисса, — только и сказала я.

Она легла, укрылась одеялом, и мы замолчали.

Я боялась наступления ночи. Мне казалось, солнце садится слишком быстро. Я сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела на дверь. Я ждала, что она вот-вот откроется, и стражники прикажут проследовать за ними. Но время шло, а никто не приходил.

За окном совсем стемнело, и на небосвод взошла луна. Она залила комнату своим бледным, призрачным светом. И вдруг этот свет погас. Сначала я не поняла, что произошло. Просто небо за окном стало чёрным. Я подбежала к нему, тщетно вглядываясь в ночь.

— Лисса, — тихонько позвала я служанку. — Куда делись все звёзды?

Но ответом мне было негромкое сопение. И тогда я увидела тень, огромную, чёрную, крылатую, которая и заслонила собой небо, луну и звёзды. Я чуть не взвизгнула, но вовремя успела зажать себе рот. Дракон пролетел так низко, что я слышала шорох его крыльев.

Захлопнув окно, я поспешно задёрнула шторы и бросилась в постель. Укрывшись с головой одеялом, я раз за разом осеняла себя защитным знаком и бормотала молитвы. Так я и провалилась в сон без сновидений, полный усталости и страха.

Утро пришло неожиданно. Открыв глаза, я увидела яркое, золотое солнце. Оно пробивалось сквозь щели между шторами, чертило на полу светлые полосы. Лисса уже не спала. Она

сидела на соломенном тюфяке, одетая, причёсанная, и смотрела на меня. На столе дымился завтрак.

— Ваше Высочество, — тихо произнесла служанка. — Ардор Морвейн уехал.

Я села на кровати, не веря своим ушам.

— Ночью, — продолжила Лисса. — Собрал войско и уехал. Говорят, на севере восстание. Ваш брат, принц Альстэр, поднял знамя.

Я закусила губу, чтобы не закричать от радости: Альстэр жив, он поднял знамя и ведёт за собой людей! Теперь это не просто слухи!

— Ты уверена? — спросила я.

— Стражники говорили между собой, — кивнула Лисса. — Я сама слышала.

Сделав несколько глубоких вдохов, я откинула одеяло и поднялась с постели. Мне нужно успокоиться и ничем не выдать свой восторг.

— Лисса, помоги мне одеться.

— Куда вы собрались? — она тоже встала.

— В город. Я хочу увидеть, как живут люди.

— Но вам нельзя без разрешения, — удивилась Лисса.

— Я знаю, — ответила я. — Поэтому мне нужен Эзра.

Служанка не стала спорить. Она помогла мне одеться, а после заплела волосы. Мы вместе вышли в коридор. Стражники снова сменились. Я решила, что буду называть их Высокий и Низкий. Мне ни к чему знать имена своих тюремщиков, тем более постоянно меняющихся, но как-то различать их надо. И пусть они оба почти одинакового роста, всё равно один был чуть повыше.

— Я ищу Эзру, — сообщила я. — Где он?

— В библиотеке, леди Алианна, — ответил Высокий.

Библиотека находилась в правом крыле. Я с удивлением обнаружила, что там за прошедшую ночь был отстроен ещё один этаж. Толкнув дверь, я оказалась в огромном помещении со стеллажами, установленными вдоль стен, сверху донизу забитыми книгами и свитками.

Эзра стоял у дальнего стола, склонившись над древним манускриптом. Его серый балахон сливался с серыми стенами, и если бы не зелёный огонь, мерцающий над его ладонью, я могла бы не заметить его. При моём приближении он поднял голову. Я впервые увидела его лицо без капюшона. Маг оказался глубоким старцем. Его кожа на скулах, изрезанная сетью мельчайших морщин, уходящих под ворот серого одеяния, натянулась, как пергамент. Его светлые, почти прозрачные глаза уставились на меня в упор. И я почувствовала, как этот пылкий взгляд проникает под кожу, скользит по венам, добирается до потаённых мыслей, в которых я не решалась признаться даже самой себе. Я помотала головой, избавляясь от наваждения.

— Ваше Высочество? — произнёс Эзра с лёгким удивлением.

Я застыла от неожиданности. Он ведь знал, кто я, знал, что меня лишили титула, когда свергли моего отца, но всё равно обратился ко мне именно так. Может, он просто издевается?

— Что вас привело сюда, Ваше Высочество? — Однако в его голосе не было слышно иронии, только вежливый интерес.

— Я хочу выйти в город, — ответила я. — Посмотреть, как живут простые люди.

Эзра покачал головой.

— Это небезопасно, Ваше Высочество. На улицах ещё неспокойно.

— Эти люди любят меня, — возразила я. — Они никогда не причинят мне вреда.

Маг смотрел на меня долго, изучающе, потом кивнул.

— Я отпускаю вас, — согласился он. — Но только с этим.

Он протянул руку, и на его ладони возник небольшого размера камень. Он был тёмным, почти чёрным, с красными прожилками, которые пульсировали в такт его дыханию. Или моему?

— Что это? — спросила я.

— Амулет, — ответил Эзра. — Через него я буду знать, где вы находитесь. Это условие. Что же, похоже, иного способа выбраться из дворца для меня сейчас не существовало.

Либо так, либо никак.

— Хорошо, — согласилась я.

Маг подошёл ко мне, чуть отодвинул волосы и приложил камень за ухом. Я почувствовала, как он тут же присосался к коже, и чуть не вскрикнула.

— Когда вернетесь, найдите меня, я помогу его снять, — пояснил Эзра. — Немного неприятно, но так я буду знать, где вы находитесь и всё ли с вами в порядке.

Я кивнула, развернулась и вышла, чувствуя на спине его взгляд. Лисса ждала в коридоре.

— Всё хорошо, — сообщила я. — Мы идём в город.

Глава 13

Покинув библиотеку, первым делом продемонстрировала стражникам амулет. Те поняли, что Эзра меня отпустил. Когда мы вышли за ворота, они держались чуть позади. Камень жёг кожу, но постепенно я перестала обращать на него внимание. Лисса шла рядом, постоянно оглядываясь на стражников.

— Куда мы идём Ваше Высочество?

— На Подол, — ответила я.

Подолом в Веронтисе называли квартал бедняков. Сама столица представляла собой огромную покатую гору, вершину которой венчал королевский дворец. От него вниз по склонам сбегали кварталы богачей, ещё ниже располагались улицы ремесленников, а у самого подножья, в болотистой низине, с другой стороны от порта, ютилась беднота. Если смотреть на Веронтис с суши, то он казался роскошной юбкой с обтрёпанным подолом.

— Это же очень далеко, Ваше Высочество! — ахнула Лисса. — Как же мы пойдём? Карету нам никто не даст. Да что там карету — повозку зажмут!

— Да, — подал голос Высокий. — Карету не дадут. Повозку тоже. Лучше никуда не ходите, леди Алианна.

Я остановилась, посмотрела ему в глаза.

— Вы можете остаться.

— Нет уж, — недовольно скривился стражник.

Верхний город, или кварталы богачей, встретил нас шумом. Дома здесь пострадали, но их уже начали отстраивать. Жизнь кипела. Мимо то и дело проезжали повозки, груженные камнем и деревом. Со всех сторон доносились крики рабочих, восстанавливающих особняки.

Затем мы вышли к Храму Великого Отца. Его стены ещё стояли, но крыша обрушилась, колонны раскололись, а чёрные провалы окон смотрели на прохожих глазами мертвеца. Леса и строительные лестницы говорили, что храм начали восстанавливать, но работа продвигалась слишком медленно.

Я остановилась, сложила пальцы, провела ото лба к груди, от правого плеча к левому, и поклонилась. Лисса повторила за мной. Стражники встали чуть поодаль и ждали.

— Пойдём, — сказала я, и мы двинулись вперёд.

Чтобы добраться до квартала бедняков, нам потребовалось два часа. И чем дальше мы уходили от центра, тем сильнее ощущались разрушения. Драконы постарались на славу. Или, возможно, дело в качестве материалов, из которых строились лачуги: они были дешёвыми. То, что ещё недавно служило домом, пусть холодным и жалким, обратилось в пепел. Лишь кое-где виднелись хижины, заново собранные из уцелевших обломков. Люди бродили среди развалин. Женщины в грязных платках носили воду в вёдрах. Дети сидели на земле, уставившись перед собой пустыми, ничего не выражающими глазами.

Я шла и считала шаги, чтобы не заплакать. Впервые здесь я оказалась несколько лет назад. Я помнила тот день, словно он был вчера. Мы с кузиной Сильвой, дочерью герцога Торнмура, ехали в карете. Мне было шестнадцать, ей — пятнадцать. Мы возвращались с загородной прогулки, и вдруг я велела кучеру свернуть в сторону. Меня всегда пугали и притягивали эти улочки, где не ступала нога члена королевской семьи. Сильва испуганно сжимала мою руку, умоляла развернуться, но я настояла.

То, что я увидела, потрясло меня до глубины души. Лачуги, слеплённые из глины и досок, соломенные крыши, дети в лохмотьях, которые копались в мусорной куче в поисках еды. Я смотрела на это и не могла поверить, что в нашем королевстве, в нашей столице, рядом с богатыми кварталами и золотыми куполами храмов, живут люди в такой нищете.

Кучер хлестнул кнутом одного из детей. А ведь он просто попросил милостыню. Худой, грязный мальчик с большими глазами истошно завизжал, схватился за лицо, и кровь хлынула сквозь пальцы. В гневе я закричала на кучера, велела остановиться, выскочила из кареты и подбежала к ребёнку. Оторвав кусок от своего любимого голубого платья, я перевязала рану.

— Убирайся с глаз моих! — приказала я кучеру. — Немедленно! Чтобы больше во дворце я тебя не видела!

Кучер побледнел, растерянно заморгал. Он перевёл взгляд на Сильву, на меня, на замерших в нерешительности слуг. Потом поклонился и пошёл прочь.

— Как же мы доберёмся до дворца? — растерянно спросил один из слуг.

— Ты сядешь на его место, — ответила я.

Тот послушно пересел на козлы, взял вожжи, и карета покатила, увозя Сильву. А я осталась со вторым слугой. Я хотела увидеть, как живут те, о ком никто во дворце не говорит. Я смотрела на покосившиеся лачуги, на детей в лохмотьях, на рано состарившихся женщин, и не могла поверить, что всё это — часть нашего королевства. Домой я вернулась пешком, к вечеру, уставшая, с грязным подолом и сбитыми ногами. И не пожалела ни о чём.

Сильва не разговаривала со мной несколько дней. А когда заговорила, сказала, что я опозорила всю семью, что принцессе не пристало обнимать грязных уличных детей. Тётя Эрмина, герцогиня Торнмур, пожаловалась отцу, и он запретил мне выезжать из дворца целый месяц.

Но когда месяц прошёл, я вернулась. Тот мальчишка — его звали Кир — уже поправился. Я привезла ему сладостей и новую рубаху. А потом приехала на следующий день. И на следующий. И каждый раз я узнавала что-то новое о жизни, которую никогда не видела из окон своей кареты.

— Ваше Высочество!

Детский голосок заставил меня обернуться. Из-за угла полуразрушенной хижины выбежала девочка в рваном платье, босая, с растрёпанными рыжими волосами. Я узнала Мику, лучшую ученицу в школе.

— Ваше Высочество! — закричала она, и следом за ней хлынули другие. — Вы живы! Вы пришли!

Я опустила на корточки, обняла Мику и почувствовала, как её худенькие ручонки обхватили мою шею.

— Жива, — прошептала я. — Жива.

— Ваше Высочество!

— Ваше Высочество!

— Принцесса Алианна!

— Она нас не бросила!

— Эй, все сюда! Тут наша принцесса!

Ко мне потянулись женщины, усталые, измождённые, в грязных, рваных платьях. И в их глазах я увидела надежду.

— Слава Великому Отцу! — закричала одна, падая на колени. За ней последовали другие. — Слава Великому Отцу, вы живы!

— Встаньте! — взмолилась я. — Встаньте же! Что вы делаете?

Но они продолжали стоять на коленях. Они плакали, тянули ко мне руки, гладили моё платье, и я чувствовала себя самозванкой, потому что не могла им помочь. Не могла вернуть им дома, не могла воскресить мёртвых, не могла накормить всех голодных.

Из толпы вышел мужчина. Старый, седой, с повязкой на лбу он опирался на клюку. Он остановился передо мной, долго смотрел, потом склонил голову.

— Вы вернулись, — сказал он хрипло. — Мы думали, вас убили.

— Нет, — ответила я. — Я жива.

— А король? — спросил он. — Что с королём?

Я смотрела на него и не знала, что сказать. Правду? Что отец лишился разума и не узнаёт даже собственного имени? Или ложь, чтобы сохранить надежду?

— Король жив, — только и смогла выдавить из себя.

Мужчина кивнул.

— А принц? — спросил кто-то из толпы. — Принц Альстэр?

— Король сошёл с ума! — громко провозгласил один из стражников. — А Альстэр сбежал из столицы, бросив свой народ.

Люди недовольно загудели. Кто-то даже поднял камень. Стражники заволновались.

— Пора уходить, — заявил второй, не давая мне больше открыть рта. — Ардор Морвейн будет недоволен. Эзра тоже. Вряд ли вам когда-либо ещё позволят прогулку по городу.

Глава 14

Во дворец мы вернулись к вечеру. Ноги гудели и стёрлись в кровь. Больше всего на свете я хотела рухнуть на постель, но увиденное в квартале бедняков не отпускало меня. Я не могла оставить мой народ голодающим.

— Куда вы, Выше Высочество? — удивилась Лисса, когда я вместо того, чтобы отправиться к себе, свернула в противоположную сторону. Стражники последовали за мной.

— Мне нужно к Эзре, — ответила я.

— Тогда я нагреем для вас воду. Наверняка вы хотите освежиться с дороги.

С этими словами Лисса направилась на кухню.

Мага я нашла в библиотеке, он по-прежнему изучал древний манускрипт. Я испытала лёгкое злорадство, когда поняла, что Эзра так и не продвинулся в своём исследовании. Судя по всему, он не знал древнетелефарийского. Этот язык мало кому был известен.

— Работа продвигается медленно, Ваше Высочество, — Эзра подтвердил мои подозрения. — Приходится много расшифровывать. Ну, ничего, мне нужно чем-то заняться, чтобы восстановить силы после строительства стен. Магия истощает, знаете ли. Но не думайте, что меня можно в это время убить, — он усмехнулся. — Меня очень трудно застать врасплох.

— Я об этом не думала, — пробормотала я.

Уголки губ на лице мага дрогнули, но так и не растянулись в улыбке.

— Я знаю, о чём вы думаете, — заявил он.

— Да?

Эзра приблизился ко мне, коснулся лица, скользнул пальцами за ухо, и камень, обжигавший кожу всю дорогу, внезапно остыл и оказался в его ладони.

— С помощью этого амулета я могу не только знать, где ты находишься, но и слышать всё происходящее вокруг, — пояснил он, пряча его в складках своего балахона. — Вы не должны давать людям ложную надежду, — резко произнёс Эзра без всякого перехода. — Это приведёт к восстанию. А восстание будет подавлено. И это унесёт сотни, тысячи жизней. Вы этого хотите, Ваше Высочество?

Я недоуменно заморгала, слова застряли в горле.

— Я... Я растерялась, — выдавила я, наконец. — Они... Они живут в такой нищете, у них ничего нет! А я ничем не могу им помочь. — Голос мой дрогнул, и я почувствовала, как к глазам подступают слёзы, но заставила себя сдержаться. — Вы не видели их лица! Не видели детей! Они голодны, Эзра. Они умирают.

— Вы поможете им, — спокойно ответил маг, — если убедите их принять новую власть.

Я не слушала его. Перед глазами стояли голодные, грязные дети в лохмотьях.

— Им нечего есть, — продолжала я. — Раньше им привозили немного еды. У них была школа и больница. А теперь всё разрушено.

Я говорила и говорила. Эзра молчал, не перебивал меня

— Я услышал вас, принцесса Алианна, — сказал он, наконец. — Эти люди будут накормлены.

— Правда? — не поверила я. — Вы не шутите?

— Не шучу, Ваше Высочество, — подтвердил Эзра. — Еда будет. А теперь идите. У меня ещё много дел.

— Ладно, — кивнула я и вышла.

В комнате меня уже ждал медный таз и кувшин с горячей водой. Каким же было блаженством смыть с себя всю грязь и копоть, одеться в пусть простое, но чистое платье. А люди на Подоле были лишены и этого.

После купания Лисса смазала мои ступни заживляющей мазью. Мы вышивали весь остаток вечера, я рассказала ей про разговор с магом. Потом мы поужинали и легли спать.

А утром я проснулась от оглушительного грохота. Это Лисса с такой силой толкнула дверь, что та чуть не вылетела с петель. Бледная, запыхавшаяся, с горящими глазами, служанка бросилась ко мне.

— Ваше Высочество! — забывшись, она затрясла меня за плечи. — Ваше Высочество! На Подол отправили обоз с едой! Стражники раздают хлеб, крупу и одеяла!

— Что? — переспросила я, видя перед собой перекошенное от гнева лицо служанки и плохо соображая спросонья. — Будь добра, не тряси меня.

— Извините, — смутилась Лисса и тут же с возмущением продолжила: — Я была на кухне, когда Маиза рассказывала, что видела. А она видела, как охранники раздавали хлеб, и слышала, как они громко говорили. Ардор Морвейн заботится о вас! Он не позволит вам умереть от голода!

Я поджала губы. Эзра выполнил обещание, но каким образом?

— Представляете! — не унималась Лисса. — Это же была ваша идея! Вы просили их накормить! Так нечестно!

— Это неважно, — сказала я, поднимаясь с постели. — Главное, что они больше не голодают.

Лисса посмотрела на меня с сомнением, но ничего не сказала.

Последующие дни потянулись медленно, однообразно. Я вставала, завтракала, бралась за вышивку. Лисса сидела рядом, штопала простыни, чинила одежду и иногда делилась услышанным с кухни. А через несколько дней, когда правое крыло было полностью отстроено, я снова пришла к Эзре.

— Вы дали людям еду, — сказала я, стоя на пороге библиотеки. — Спасибо.

Он поднял голову от манускрипта и посмотрел на меня.

— Я сделал то, что обещал, Ваше Высочество.

— Я знаю, — я вошла внутрь и прикрыла дверь. — Но им нужно больше. Им нужна крыша над головой, лекарства, одежда. Им негде жить, Эзра. Дети болеют.

— Вы просите слишком многого, — Эзра покачал головой.

— У меня ничего нет, — я сняла серьги, достала из-за ворота цепочку. Это всё передала мне Лисса. — Я готова отдать вам это. Этого хватит?

Я протянула украшения на раскрытой ладони. Эзра посмотрел на них и усмехнулся.

— Эти и другие серёжки и цепочки отдал вам я, Ваше Высочество. Теперь вы хотите распорядиться ими как-то иначе?

Я застыла.

— Это вы мне их отдали?

— Кто же ещё? — он вернулся к манускрипту. — Вы думали, эти украшения вам передал Дэмиан?

Я изумлённо молчала. В мыслях пронеслось: да, я думала именно так.

— Нет, — Эзра покачал головой. — Вряд ли он об этом подумал. Увы, дар может быть как великим благословением, так и великим проклятием. А уж такой сильный...

Он замолчал, глядя куда-то в сторону, сквозь стены, сквозь время.

— Я знаю Дэмиана с детства, — продолжил он тихо. — Я учил его пользоваться этим даром. Но всё имеет свою цену, за всё надо платить. И Дэмиан платит.

— Чем? — вырвалось у меня.

Эзра вновь посмотрел на меня, и в его глазах я впервые что-то похожее на усталость.

— Могу лишь сказать, что он не всегда был таким, каким вы его успели узнать, Ваше Высочество. — Он помолчал, потом добавил: — И всё равно я верю, что он станет великим правителем.

Я смотрела на него, не находя слов. Он не оправдывал Дэмиана, а просто объяснял. Но я всё равно не понимала.

— Когда ты был никем, — задумчиво произнёс Эзра, — и вдруг получил неограниченную власть, очень трудно не поддаться искушению. И сохранить чистоту в сердце.

Маг замолчал, и я поняла, что больше ничего не скажет. Я развернулась и вышла, оставив его одного среди свитков и зелёного огня.

Глава 15

Дэмиан

Ветер на севере не знал жалости. Он проникал под одежду, до боли хлестал лицо, словно кнут, но я не чувствовал холода, даже сейчас, стоя на стене крепости Хорнстад. Моя кровь горела сама по себе, и это древнее пламя, что текло во мне, согревало лучше любого меха. Я вглядывался в серую мглу, что расстилалась передо мной на многие километры. Здесь даже летом не было ярких красок, только чёрные скалы, ржавый мох да свинцовое небо. Ничего живого, лишь где-то вдалеке виднелся мрачный лес, куда нестройной вереницей потянулись крестьяне из сожжённой деревни.

Я приказал сжечь это поселение дотла в назидание другим, и теперь за грядой тёмных холмов поднимался к небу чёрными столбами дым. Скот у крестьян отобрали. Пригодится, чтобы прокормить войско, которое я оставляю в Хорнстаде. Зато остальные крепко задумаются, стоит ли помогать мятежникам. Теперь Альстэр нигде не найдёт приюта.

Внизу вдоль крепостных стен, тянулись ровными рядами виселицы. Тела повешенных раскачивались на ветру с мерным, тоскливым скрипом. Жаль только, что среди них не было сына обезумевшего короля. Он ускользнул, и эта мысль жгла сильнее любого ветра. Альстэр не сражался насмерть. Он как крыса кусал и отступал, кусал и отступал, жертвовал своими людьми. Мерзкая, живучая тварь.

С захватом столицы и королевского дворца формально вся Тефария принадлежала мне. Многие лорды поклонились мне и признали мою власть, те, кто отказался, бежал. И бежал именно на север, чтобы наполнить ненавистью каждую хижину, каждый камень, пропитать всё здесь своей злобой. Но мне не нужна их любовь. Мне нужно лишь подчинение. Бездумное и безоговорочное.

— Ардор Морвейн.

Я обернулся. В трёх шагах от меня стоял мой офицер, не решаясь приблизиться.

— Что? — спросил я.

— Что прикажете делать с семьёй лорда Хорна?

Лорд Хорн, бывший владелец Хорнстада, поддержал сбежавшего принца, приютил его в своём замке, собрал для него войско. Для бунтовщиков нет пощады.

— Мужчин — повесить, — сказал я. — Женщин и детей выгнать из замка. Пусть присоединяются к своим крестьянам, может, ещё успеют их догнать.

Офицер кивнул, но не ушёл.

— Что-то ещё?

— Кто-то должен здесь остаться, чтобы следить за порядком.

— Несомненно, — усмехнулся я.

Хорнстад оказался мрачной громадиной из чёрного камня, стоящей на самой границе обитаемого мира, где даже летом снег не таял до конца. И я подозревал, что зимой волки могут подходить к самым воротам. Север запятнал себя предательством, а значит, этот и другие замки перейдут под владение селестинов, мирракской знати.

— Здесь останется Санкрис Виларди, — назвал я имя одного из своих генералов.

Поклонившись, офицер ушёл, и я снова остался стоять на стене в одиночестве.

Землю накрыла широкая тень, я услышал шорох, тяжёлый, кожистый, шелестящий, как паруса на ветру, и поднял голову. Дракон парил в небе, медленно снижаясь, круг за кругом. Он опустился на площадку перед воротами. Я сошёл вниз и направился к нему.

Ящер был огромен, его шипастая, покрытая чешуёй кожа дышала жаром, из ноздрей вырывались струйки серого дыма. Он опустил ко мне жуткую морду, и я приложил к ней

ладонь. Тотчас в моём сознании зазвучал голос. Нет, не голос, а чистый порыв, обжигающий, как расплавленный металл.

«Жечь! Жечь! Жечь!» — это была не человеческая речь. Это было желание чудовища. Его жажда огня и разрушения.

— Не сейчас, — ответил я. — Давай полетаем.

«Летать! Летать! Летать!» — радость ворвалась в мою голову взрывной волной.

Дракон подставил крыло, и я взобрался на его спину, расположился между шипастыми гребнями. Здесь уже были приделаны ремни, пропитанные магией, чтобы не перегорели. Я пристегнулся, проверил пряжки. Ящер подо мной нетерпеливо переступал, вырывая когтями комья стылой земли.

Мы взмыли в воздух. Ветер на такой высоте оказался ещё пронзительнее, ещё злее, чем на стене. Но и здесь я не чувствовал холода. Кожа дракона подо мной была горячей, и она грела меня точно печь.

Следом за нами взмыли и другие драконы. Я не оглядывался. Я знал, что они летят, потому что Дрого приказал им. Дрого был старшим среди них, самым сильным, и они слушались его. А он слушался меня. Ветер свистел в ушах. Я закрыл глаза, позволяя памяти утащить меня в прошлое.

Я был мальчишкой, слабым, тощим и дрожащим от страха, когда меня обнаружили рядом с окровавленными телами, среди которых лежала и моя мать. Лишь через несколько лет я пойму, что же произошло в ту ночь и свою роль в случившемся. Но тогда я лишь плакал, тряс маму за руку и умолял её встать, но, увы, это было не в моих силах. Пожалуй, только это и было не в моих силах.

В таком положении нас и нашли солдаты. Меня привезли во дворец к императору. Он долго смотрел на меня, прищурившись, словно пытался разглядеть в моём лице что-то знакомое. А затем произнёс:

— Отведите его в загон с драконами. Если сумеет их подчинить, значит, в нём действительно течёт моя кровь. Если нет Развейте над рекой его пепел.

И меня, визжащего и вырывающегося, потащили в загон, оказавшимся огромной каменной ямой, уходящей вглубь земли. Внутри царил полумрак, пахло серой и горелой плотью. А в центре, свернувшись кольцами и скованный цепями, лежал дракон. Дрого. Его жёлтые, с вертикальными зрачками глаза медленно открылись, когда я сделал шаг.

Я замер. Наши взгляды скрестились. В глазах дракона зажёгся красный огонь. Он открыл пасть, и я увидел, как в глубине разгорается пламя, готовое вырваться наружу и испепелить меня. Ужас сковал всё тело. Я не мог двинуться, не мог дышать. Горячий воздух опалил лицо. И вот тогда я закричал.

— Не трогай меня!

Дракон застыл.

Пламя в его пасти погасло. Челюсти медленно сомкнулись. Он смотрел на меня, и в его глазах уже не было ярости. В мою голову хлынуло что-то тяжёлое и горячее. Это не было словами или мыслями, скорее ощущениями недоумения и интереса.

«Кто ты? Почему ты приказываешь мне?»

Я перестал дрожать. Страх никуда не ушёл, но к нему добавилось любопытство. Дракон оказался не безмозглым чудовищем.

«Почему я подчиняюсь тебе?»

Я шагнул к нему. Дракон не двинулся.

— Сядь, — сказал я.

Дракон сел.

В изумлении я облизнул пересохшие губы.

— Ляг.

Он лёг, сложив крылья и опустив морду на передние лапы. Из ноздрей вырвались два серых облачка.

— Спи, — приказал я.

Глаза дракона закрылись. Он заснул прямо передо мной, тяжело и ровно дыша, и я стоял возле него, всё ещё не веря, что жив.

Нас нашли спящими. Я лежал в двух шагах от его пасти, и сначала они подумали, что я мёртв. Но когда все поняли, что дракон пощадил меня, сам император спустился за мной. Он радостно рассмеялся, переводя взгляд со спящего чудовища на меня и обратно.

— Уже несколько поколений не рождалось погонщиков драконов, — торжественно сообщил он. — Их сдерживали только магические ошейники и цепи. Этот дар, управлять драконами, передаётся только от отца к сыну и только в императорской семье. А это значит, что ты действительно мой сын.

Императрица была в ярости: император во всеуслышание признал своего бастарда. Я запомнил её лицо, белое, искажённое ненавистью.

Резкий порыв ветра ударил меня в лицо, возвращая в настоящее. Дроги подо мной взмахнул крыльями, набирая высоту. Внизу остались чёрные скалы, ржавый мох, дымящиеся развалины деревни и вереница изгнанников, бредущая к мрачному лесу. Где-то там, среди них, шли женщины и дети лорда Хорна. Я не смотрел на них. Впереди был только холодный горизонт и небо, которое принадлежало мне. Завтра надо будет возвращаться в столицу, но сегодня Сегодня я летаю.

Глава 16

Алианна

Дворец наполнился различными слухами о творящемся на севере беззаконии. Прислуга перешёптывалась за спинами стражников, а Лисса услужливо передавала мне всё, что ей удавалось узнать на кухне.

— Ваше Высочество, — понизив голос, проговорила она, когда мы вновь сидели за вышивкой в моих покоях. — Вы слышали, что произошло в Хорнстаде, замке лорда Хорна?

Я напряглась и огляделась. Дверь была плотно закрыта.

— Ещё нет.

— Семейю лорда Хорна — Лисса запнулась, слова будто застревали у неё в горле. — Мужчин повесили прямо под стенами замка. А женщин и детей выгнали. Им даже не дали собрать вещи.

— Повесили? — переспросила я, замерев с иглой в руке. — Ты уверена?

— Маиза слышала, как офицеры об этом говорили, — прошептала Лисса. — Эзра получил донесение от ардора Морвейна. Но это ещё не всё. Мирраксцы сожгли ближайшую деревню. Полностью. За то, что они помогали Его Светлости. Крестьян выгнали, скот забрали.

— Великий Отец! — ахнула я. — Зачем было сжигать деревню? Простые люди-то в чём виноваты?!

— Тише, Ваше Высочество, — забеспокоилась Лисса и бросила взволнованный взгляд на дверь. — Наверное, чтобы другие боялись. Чтобы никто не смел помогать принцу Альстэру.

Я отложила вышивку. В груди разрасталась тяжёлая, холодная пустота. Некоторое время назад Эзра распорядился дать беднякам еду, и я думала Даже не знаю, о чём я думала. Может, я надеялась, что с жестокостью теперь покончено? Видимо, это было слишком наивно с моей стороны.

В последующие дни я старалась не покидать комнату. Лисса стала моими глазами и ушами. Она рассказывала мне, что по городу ходят тревожные толки. Люди боялись. Новый правитель в очередной раз показал свою жестокость, и даже те, кто поначалу перешёл на его сторону, теперь старались лишней раз не появляться во дворце. Герцог Торнмур с семьёй перебрались в своё загородное поместье. Другие представители знати последовали его примеру. Коридоры опустели.

Меж тем люди ардора Морвейна начали отстраивать левое крыло. Однажды любопытство пересилило страх, и я подглядела за работой мага. Строители под его руководством таскали камни, складывали их друг на друга, а Эзра водил возле них руками. Из ладони вырывался сноп зелёных искр, и стык срастался, кладка превращалась в монолит. В голове пронеслась мысль, что даже дракон не разрушит такую стену.

Как и дворец, столицу тоже восстанавливали. Лисса поведала мне, что Храм Великого Отца почти отстроен, и скоро в нём снова зазвучат молитвы. Город вернётся к мирной жизни, и память о войне исчезнет. Всё будет как прежде.

Но не для нас.

Я шла по уже знакомому лабиринту коридоров и лестниц. Стражники следовали за мной. Куда бы я ни направилась, они держались за спиной безмолвными теньями. Несколько раз повернув, я поднялась под самую крышу и остановилась у знакомой двери.

Отец сидел на постели, когда я вошла в его каморку. Это было непривычно. Обычно он только лежал, уставившись в потолок.

— Отец, — позвала я с робкой надеждой.

Но он не ответил. Присмотревшись, я поняла, что его взгляд по-прежнему пуст и устремлён в никуда. Я снова обманулась. Отца здесь нет. Его разум блуждал где-то далеко, в лабиринтах, из которых нет выхода.

Я села рядом, взяла его за руку.

— Левое крыло восстанавливают, — сообщила я и принялась рассказывать обо всём, что произошло в последние дни. — Люди не поддержат лорда Морвейна, даже те, кто перешёл на его сторону, разочаруются в нём. Альстэр соберёт новую армию, ещё больше прежней, вот увидишь.

Отец молчал. Его пальцы слабо шевельнулись в моей ладони, но я не знала, был ли это ответ, или просто судорога. Вздохнув, я достала из складок платья книгу со стихами, которую я с позволения Эзры на днях взяла из библиотеки.

— Хочешь, я тебе прочитаю?

Отец не ответил, и я решила, что он не возражает. Я читала до самого вечера страницу за страницей. Это занятие отвлекало меня, помогало не думать о скором возвращении Дэмиана Морвейна. Я понимала, рано или поздно он прибудет во дворец, но тешила себя мыслью, что он, возможно, уже забыл обо мне.

Когда я вышла из его покоев, солнце клонилось к горизонту. Я вновь бродила по коридорам, когда услышала далёкий рёв, похожий на раскат грома. Рёв становился всё ближе и ближе. Я подбежала к окну и увидела, как дворец накрыли огромные тени. Это драконы кружили над городом. Сердце бешено заколотилось, а ноги сделались ватными. Я оперлась о стену.

— Нет, — простонала я. — Ну почему именно сегодня?

Ворота открылись, и в них хлынуло войско. Никто не встречал вернувшихся солдат, не бросал в воздух цветы, не выкрикивал приветствия. Немногочисленные люди, находившиеся на площади перед дворцом, стремительно разбежались.

Один из драконов, самый крупный, опустился на землю, пригнул шею, и с его крыла прыгнул человек в чёрном плаще. Дэмиан Морвейн. Узурпатор. Это мог быть только он. Я смотрела на него и думала, что по своей воле никогда бы и близко не подошла к такому чудовищу. Да и к дракону тоже. Они с Морвейном были одной природы, и я не знала, кто из них страшнее.

Перестроившись, мирракские воины образовали коридор, по которому прошёл узурпатор. Подходя к дворцу, Морвейн поднял голову, и я отпрянула от окна, словно он мог увидеть меня с такого расстояния. С колотящимся сердцем поспешила к себе в комнату.

Пришедшая с ужином Лисса сообщила, что ардор Морвейн пирует со своими воинами в рыцарском зале. Никто из тефарийской знати не был приглашён на этот пир. Несколько часов я не находила себе покоя, ожидая, что вот-вот откроется дверь и стражник прикажет мне следовать за ним. Но время шло, а мой покой никто не тревожил.

Когда на небосвод взошла бледная луна, я с облегчением выдохнула: обо мне забыли, как я того и хотела. Я попросила Лиссу помочь мне снять платье, и только она взялась за шнуровку, как дверь распахнулась, и на пороге показался стражник.

— Леди Алианна, — заявил он. — Ардор Морвейн требует, чтобы вы явились к нему. Немедленно. Следуйте за мной.

Глава 17

Дэмиан

Едва я поднёс кубок к губам, как тут же поставил его обратно. Вино отдавало кислятиной, а густой аромат жареного мяса перебивался навязчивым запахом гари, который, казалось, вьелся в кожу после Хорнстада. Этот запах не исчез даже здесь, за сотни миль от чёрных скал и раскачивающихся тел. Я сидел во главе стола, но не чувствовал триумфа.

Я обвёл взглядом рыцарский зал. Под его каменными сводами гремел хохот моих офицеров, вино лилось рекой, но всё это напоминало пир в захваченном склепе. Места, где должны были сидеть тефарийские лорды, пустовали. Эти толстосумы чуть ли не целовали мне сапоги, когда я захватил столицу, а теперь разбежались по своим поместьям, как тараканы от света. Велард Торнмур, двоюродный брат Годрика, первым перешёл на мою сторону, и первым же удрал в загородное имение, как только представился случай. Остальные потянулись за ним. Я не стал их приглашать. Их верность — пустой звук. Они пьют и едят за моим столом, но представится случай — предадут. Все до единого.

Эзра сидел справа от меня. Он ничего не пил и почти не ел. Маг выглядел утомлённым, его пальцы были перепачканы в пятнах извести и магической пыли. Он смотрел на пирующих, на пустые места, и, мне кажется, я знал, о чём он думал.

— Тебе нужно нечто большее, чем их страх, — негромко произнёс Эзра.

— Мне не нужна их любовь, — отрезал я, вогнав нож в столешницу. — Любовь переменчива, как флюгер. Страх — более надёжный якорь.

— Верно. Но им нужна их собственная любовь к тебе, — Эзра перевёл взгляд на меня. — И желательна купленная не золотом.

Его слова вызывают усмешку.

— Полагаю, ты считаешь, что в Хорнстаде я был слишком жесток. Мне же, наоборот, видится: я был слишком мягок, раз позволил женщинам и детям уйти.

— Ты всё сделал верно, как я тебя и учил. Жестокость — не самоцель, а лишь хирургический инструмент для вырезания опухоли, чтобы весь организм продолжал своё существование. Отрежешь меньше — зараза разрастётся, отрежешь больше — повредишь здоровый орган. Увы, твой отец на закате жизни предпочёл забыть об этом принципе.

Я сделал глоток уксуса, что по недоразумению тефарийцы называли вином. Я помнил последние годы жизни отца. Навязчивые страхи, будто селестины готовят на него покушение, сделали своё дело. Жестокими репрессиями он отвернул от себя мирракскую знать. На смертном одре отец заставил меня дать клятву, что я никогда не причиню вреда своему младшему брату и его матери, которая после смерти императора станет императрицей-регентшей и будет фактически руководить государством, поскольку её сын, слабый и безвольный, оказался совершенно неспособным к правлению. Если бы не это, я мог бы объединить под своей властью весь Мирракс. Впрочем, я и не собирался убивать этого бестолкового мальчишку, но к официальной жене моего отца у меня были отдельные счёты.

— Что произошло в Веронтисе, пока я вырезал опухоль на севере? — спросил я.

— Я распорядился накормить бедняков от твоего имени, — последовал неожиданный ответ.

— Что? — удивился я. — Зачем нужен этот сброд?

Эзра повернулся ко мне. В его взгляде мелькнуло что-то, похожее на терпение учителя, который в сотый раз объясняет прописные истины.

— Голодные люди опасны, Дэмиан. Они сбиваются в шайки, убивают тех, кому повезло чуть больше. Голодный не думает о завтрашнем дне. Ему нечего терять.

— Да они же паразиты! — возмутился я. — Привыкнут — будут требовать снова.

— Именно поэтому я накормил их лишь однажды, — заявил Эзра. — Этого достаточно, чтобы они запомнили твоё имя с благодарностью, но не привыкли к праздности. Теперь они должны приносить пользу.

— Пусть разбирают завалы в городе, — предложил я, отправляя в рот кусок жареного мяса.

— Я тоже думал об этом, — кивнул Эзра.

— А если не захотят — пригнать кнутами.

— Зачем кнуты, если можно заплатить? — мягко возразил маг.

Я открыл рот, чтобы отчитать Эзру за расточительность, но замер. Обкатал высказанную мысль в голове и медленно кивнул.

— Если дать людям работу, то у них будет и крыша над головой, и хлеб на столе, — продолжал Эзра. — Чем туже набит кошелек, тем тяжелее его владельцу решиться на мятеж. Сытый человек слишком дорожит тем, что у него есть, чтобы идти за каким-то беглым принцем в холодные леса. Чем больше в стране сытых людей, тем спокойнее.

— Да, но ты говоришь о простолюдинах, — усмехнулся я. — Тефарийская знать придерживается иного мнения. Вот чего не хватало лорду Хорну и другим? У него были и замок, и титул, и земли.

— Он идейный, — поморщился Эзра. — Как и остальные, кто поддержал Альстэра. С ними труднее. Их не купишь. Не запугаешь. К ним нужен другой подход.

— Ты нашёл что-нибудь про тот ход, по которому ушёл Альстэр?

Эзра покачал головой.

— Пока нет. Проблема в том, что я плохо понимаю древнетефарийский, а все старые манускрипты написаны на нём.

— Ясно, — мрачно изрёк я и отхлебнул из кубка.

Некоторое время мы молчали. Я ел безвкусное мясо и пил кислое вино, а Эзра наблюдал за людьми и о чём-то думал.

— Знаешь, Дэммиан, — заговорил он после паузы. — Я думаю, что принцесса может стать ключом к тефарийскому народу.

— Женщины годятся только для одного, — отмахнулся я.

Эзра недовольно скривился.

— Твой дар туманит тебе разум, ожесточает сердце. Я говорил тебе быть с ним осторожнее. Ты не понимаешь: принцессу любит простой народ, и она из династии, которую поддерживает знать.

— Поищи другой ключ. Например, найди уже заклинание, открывающее тайный ход, чтобы я уже добрался до Альстэра. Не будет его — не будет восстаний.

— Я работаю над этим.

— Отлично. Кстати, хорошо, что напомнил о принцессе. Мне нужно расслабиться.

— Развлекайся с кем-нибудь другим, — раздражённо бросил Эзра.

Я повернулся к нему и развёл руками.

— Но я хочу самое лучшее.

— Сомневаюсь, что этого хочет она.

— О, — фыркнул я, — она захочет. Не сомневайся. Все женщины одинаковые.

Эзра покачал головой, но ничего не сказал. Лишь когда я снова взялся за кубок, он произнёс тихо, почти не размыкая губ:

— Любой дар имеет свою цену. Не поддавайся излишнему соблазну. Иначе он погубит тебя.

— Как? — настал мой черёд раздражаться. — Как мой дар может меня погубить?

Я не ждал ответа, я знал, что у Эзры его нет. Я много лет слышал от него, что магия не прощает бездумного с ней обращения, и поначалу я верил ему. Но время шло, а расплата не наступала.

Я поднялся из-за стола. Кубок качнулся, расплескав вино по деревянной поверхности.

— Ты! — я ткнул пальцем в одного из стражников. — Приведи леди Алианну в мои покои. Немедленно.

Глава 18

Алианна

Мне хотелось выть от отчаяния, но я пересилила себя. Оправив платье, я последовала за стражником. Он, как и ожидалось, привёл меня в покои Дэмиана Морвейна. Открыв дверь, стражник пропустил меня вперёд, а сам остался снаружи.

Переступив порог, я огляделась. Узурпатор сидел в кресле у неразожжённого камина, откинувшись на спинку и положив ногу на ногу. Перед ним стоял низкий столик из тёмного дерева. Второе кресло оставалось незанятым.

— Алианна Альдеран, — задумчиво произнёс Морвейн, смерив меня долгим, пристальным взглядом, затем указал на пустующее кресло: — Садись.

Я послушно села, сложила руки на коленях, сцепив пальцы и стараясь не дрожать. Я так надеялась, что Морвейн забудет обо мне, возможно, переключит своё внимание на кого-нибудь другого, выберет себе фаворитку, но, увы.

В дверь постучали. Получив разрешение, вошла молодая служанка с подносом. Заметив меня, она смущённо опустила взгляд, поставила на столик блюдо с фруктами и тонко нарезанными ломтиками сыра, кувшин с вином и два кубка. Поклонилась и вышла так же бесшумно, как появилась.

Морвейн потянулся к кувшину, а я обвела взглядом комнату. Стены казались сплошными, но я знала, что здесь, прямо за искусно выложенным камином, есть потайная дверь. Ещё один секретный ход расположен за шкафом в библиотеке. Альстэр показывал мне в детстве. К сожалению, эти ходы были самыми обычными, немагическими, и, скорее всего, обрушились ещё при захвате дворца.

— Выпей, — Морвейн налил вино и подвинул ко мне кубок.

— Я Не хочу.

— Ты напряжена, — заметил он, рассматривая меня. — Вино поможет тебе расслабиться. Я вздрогнула. Взяла кубок, поднесла к губам и тут же поставила на столик.

— В чём дело? — поинтересовался Морвейн.

Я промолчала, не понимая, зачем нужен этот допрос.

— Я жду ответа, принцесса.

— Какого ответа вы от меня хотите? — удивилась я.

— Правдивого.

— Правдивого? Моему отцу когда-нибудь станет лучше? — вырвалось у меня. — К нему приходит лекарь, но

Я осеклась. Дэмиан смотрел на меня спокойно, почти равнодушно.

— Не станет, — сказал он. — По крайней мере, я не знаю ни одного человека, к кому бы в подобной ситуации вернулся разум.

Мои пальцы вцепились в подлокотники кресла.

— Я обещал тебе лекаря, — продолжал он. — Но не обещал, что он поможет. Думаешь, если бы существовала хоть малейшая вероятность, что Годрик очнётся, я оставил бы его в живых?

— Это подло, — прошептала я.

— Нет, — он покачал головой. — Это разумно.

Морвейн поднялся и протянул мне руку.

— Иди сюда.

Я не двинулась с места. Тогда он обошёл столик и остановился передо мной. Я встала сама. Его ладонь оставалась протянутой, но я не прикоснулась к ней. Морвейн усмехнулся. Взяв за локоть, он притянул меня к себе. Я упёрлась ладонями ему в грудь, чувствуя, как горит

его кожа под тонкой тканью рубашки, и вдруг поняла, какая же я дура. Я согласилась на сделку, не получив ничего взамен. Я принесла себя в жертву ради отца, который никогда не очнётся. Тогда зачем я обесчестила себя, зачем обрекла на позор, если никакой надежды нет?

— Поцелуй меня, — услышала я хриплый шёпот Дэмиана.

Я отвернулась.

Положив пальцы мне на подбородок, он повернул моё лицо к себе.

— Поцелуй меня, — повторил он.

В глубине его глаз зажёгся зелёный огонь. Я попыталась оттолкнуть Дэмиана, но тело не слушалось. Точнее, слушалось, но не так, как я хотела. Дикое желание ощутить вкус его губ накрыло меня с головой, и я задрожала от предвкушения.

Поднявшись на цыпочки, я поцеловала его. Дэмиан прижал меня к себе очень крепко. Его жадный, требовательный язык вторгся в мой рот. Одна его рука лежала у меня на затылке, не позволяя отстраниться, другая скользнула по спине, нащупывая шнуровку платья.

Тело горело огнём. Жар поднимался откуда-то из живота и растекался по венам. Застонав, я вцепилась ему в плечи. Платье соскользнуло на пол, туда же отправилась и камиза. Дэмиан подхватил меня на руки и отнёс на постель. Отбросив в сторону одеяло, он навис надо мной, целуя, как обезумевший губы, шею, ключицы, грудь, спускался ниже. Его пальцы и язык творили нечто невообразимое. Я выгибалась ему навстречу, требуя продолжения.

Он овладел мною нетерпеливо и жадно. Дэмиан переворачивал меня, ставил на колени, прижимал к простыням, сажал сверху, а я подчинялась. Закрыв глаза, я ловила его ритм, с особым восторгом принимая его в себя снова и снова. А когда он замедлялся, я умоляла:

— Ещё! Пожалуйста! Ещё! Не останавливайся!

И он не останавливался. Яростно двигаясь, Дэмиан возносил нас обоих на вершину блаженства. Мир взорвался тысячей осколков. В экстазе я снова царапала ему плечи, выкрикивала его имя. А потом всё закончилось.

Тяжело дыша, Дэмиан перекатился на спину. Я лежала рядом и смотрела на балдахин. Тело ещё трепетало, ещё помнило его ласки, но в душе поднималась удушливая волна стыда и ужаса.

Мало того что я не хозяйка собственному телу с той минуты, когда согласилась на его условие, так теперь я не хозяйка собственным желанием. Он подчинил меня полностью. Я была не просто послушной марионеткой в его руках. Я была марионеткой, которая наслаждается тем, как её дёргают за нитки. Слёзы текли по щекам, но я не издавала ни звука. Я лежала, оглушённая, раздавленная и пустая. Во мне не осталось ничего, кроме отвращения к себе.

Собрав остатки сил, я поднялась. Ноги дрожали, и я шаталась как пьяная. Нашла своё платье на полу, кое-как натянула. Я не смогла его зашнуровать, и оно болталось на мне. Волосы рассыпались по плечам, я собрала их в косу непослушными пальцами. У двери я обернулась. Дэмиан лежал на спине, прикрыв глаза рукой, и не смотрел на меня.

Когда я добралась до комнаты, там меня уже ждал медный таз, кувшин с горячей водой и отвар с мятой и корнем пустоцвета.

— Выпейте, Ваше Высочество, — предложила Лисса, протягивая мне чашку. — Так будет лучше.

— Да, — прошептала я. — Так будет лучше.

Глава 19

Всю ночь я не могла уснуть, а стоило под утро задремать, как я тут же проснулась от криков и звона стали. Сначала мне показалось, что дворец снова штурмуют. Сердце ухнуло в пятки, я вскочила с постели и подбежала к окну. Внизу на вымощенном камнем дворе кипела схватка.

Восемь вооружённых воинов в кожаных доспехах окружили одинокую фигуру. Приглядевшись, я узнала Дэмиана Морвейна. Из всех людей, живущих в Тефарии, он был последним, кого я хотела бы видеть под своим окном. Тем временем, двигаясь слажено, словно стая волков, воины не могли одолеть противника. Морвейн ловко кружился в их кольце, держа в каждой руке по мечу. Его движения были настолько стремительными, что я едва успевала уследить за ними.

Сейчас в этом бою он был не человеком, а смертоносным хищником. Он точно знал, куда атакует враг ещё до того, как тот сам это решит. Первый воин выронил меч, когда Дэмиан метким ударом выбил оружие из его рук. Второй, получив подсечку, потерял равновесие и рухнул на камни. Третий попытался зайти со спины, но Морвейн отбросил его одним движением ноги, даже не повернувшись. Четвёртый пропустил обманный выпад и получил удар в бок. Он согнулся, хватая ртом воздух.

Вцепившись в подоконник, я замерла. Против воли я не могла оторваться от зрелища. Это было страшно и вместе с тем завораживающе. Схватка закончилась быстро. Морвейн стоял посреди поверженных тел и тяжело дышал. Противники лежали на камнях и стонали. Внезапно он поднял голову и посмотрел прямо на моё окно. Я отшатнулась и спряталась за занавеской.

Чуть отдышавшись, я выглянула снова. Тренировочный бой уже закончился, но Морвейн и не думал уходить, воины тоже оставались с ним. В комнату вошла Лисса, принесла на подносе завтрак. Я принялась за еду, а в голове беспокойной каруселью крутились мысли, пришедшие ещё ночью.

Когда, вернувшись от Морвейна, я лежала без сна в постели, то вдруг остро поняла: нам с отцом надо уходить из дворца. Естественно, по доброй воле никто нас отсюда не выпустит, но что не по плечу обычному человеку, то возможно магии. Я должна найти информацию о том портале, по которому сбежал Альстэр. У отца что-либо спрашивать бесполезно, а значит, мне надо идти в библиотеку. Может быть, там, среди свитков обнаружится что-нибудь стоящее.

Дэмиан

Восьмой воин выронил оружие и упал лицом в пыль. Я выпрямился, убрал мечи в ножны. Тело гудело от напряжения, но усталости не было. Наоборот, появилась звериная бодрость, которая всегда накатывала после хорошей драки.

Я поднял голову и осмотрелся. В окнах было полно зрителей, но все они поспешили спрятаться за занавесками. Я отдал мечи подбежавшему оруженосцу и отошёл к скамье, где стояла вода. Я выпил почти весь кувшин, наблюдая, как мои воины поднимаются с камней и отряхиваются. Воспоминания о прошлом нахлынули на меня.

Тогда мне было семь или восемь лет. Мы с мамой и дедом жили в хижине в лесу. Дед мой был одним из загонщиков, помогал устраивать охоту для императора. Уж не знаю, когда и где император присмотрел его дочь. Но он увлекся молоденькой брюнеткой, и она не посмела отказать. А когда моя мать поняла, что беременна, то получила от моего отца мешочек золотых монет. По его мнению, этого должно было хватить нам на всю жизнь.

Время текло тихо и неспешно. Друзей у меня не было, кроме лохматой дворняги по имени Шатун. Пёс был верным и послушным. Он погиб первым, когда пришли они, люди в чёрных одеждах, с закрытыми лицами, вооружённые ножами. Они ворвались в наш дом ночью.

Моя мама погибла второй, когда заслонила меня собой. Схватившись за топор, дед умер третьим,

Один из убийц отшвырнул тело моей мамы в сторону и схватил меня за шкуру, приподнял над полом. Его маска и плащ были перепачканы кровью. Я заорал от ужаса, глядя ему в глаза:

— Отпусти меня!

Внезапно он отпустил. Его руки разжались сами по себе, и убийца отшатнулся, глядя на свои ладони, как на чужие.

Второй бросился ко мне, схватил за плечо. Я оттолкнул его.

— Не трогай меня!

Он отдёрнул руку, будто обжёгся.

Третий выхватил нож и замахнулся. Я сжался, закрыл лицо ладонями:

— Защити меня...

Это был мысленный призыв, так и не произнесённый вслух, всего лишь желание, не оформившееся в слова, но его было достаточно, чтобы началась бойня. Первый вонзил нож в шею третьему, затем второму, потом четвёртому, который только вошёл в дверь. Он убивал их всех, быстро, молча, методично, а потом опустился на колени передо мной и забормотал:

— Ардор Ардор

Я плакал, я ещё не знал, что значит это слово. Я сидел возле матери, тянул её за руку и уговаривал:

— Мама, встань. Пожалуйста. Встань, я боюсь.

Мне показалось, что она даже шевельнулась. Но то был самообман. Она не встала. Она продолжала лежать, а под ней растекалась красная лужа. В тот день я видел её и деда в последний раз. Их похоронили чужие люди. У меня никого не осталось, кроме отца, которому был нужен только мой дар, а не я сам.

Тот убийца, что стал моим защитником, добрался до дворца и рассказал о мальчишке, который умеет подчинять своей воле. Так император узнал обо мне. Впоследствии выяснилось, что недавно родившая императрица, его законная жена, решила избавиться от всех бастардов, чтобы её слабоумный сын получил трон без помех. Она-то и наняла убийц. И ей ничего за это не было. А вот наёмника, который понял мою просьбу защитить настолько широко, что явился к самому императору, повесили.

— Ардор! Может, ещё? — спросил один из воинов, возвращая своим вопросом меня в реальность.

— Конечно! — отозвался я, ловя брошенный мне меч и принимая боевую стойку.

Хорошая схватка — вот что мне сейчас нужно.

Алианна

Дверь в библиотеку оказалась приоткрытой. Я толкнула её и вошла, надеясь, что Эзра занимается восстановлением левого крыла, но он сидел за длинным столом, склонившись над манускриптом. Я хотела уже выскользнуть незамеченной, но маг поднял голову.

— Ваше Высочество? — удивился он. — Что вы здесь делаете?

— Я — Я лихорадочно придумывала какой-нибудь убедительный предлог. — Мне нужно найти что-нибудь, чтобы почитать отцу. Он любил старинные легенды.

Эзра опустил голову к манускрипту.

— Кажется, я видел какие-то легенды вон там, — маг махнул рукой в сторону дальнего стеллажа. — Только не шумите. Я работаю.

Я кивнула и направилась туда, стараясь вести себя непринуждённо. Опустившись на колени перед полками, я принялась перебирать свитки. Я не знала, с чего начать, но надеялась среди всей этой пыли и паутины найти то, что даст нам с отцом шанс сбежать от захватчиков и может быть воссоединиться с Альстэром.

Глава 20

Алианна

Следующие несколько дней я заглядывала в библиотеку под разными предлогами: то за стихами, то за хрониками, то за очередными старыми легендами, которые якобы хотела перечитать отцу. И постоянно натыкалась на Эзру. Мы обменивались ничего не значащими любезностями, и я отправлялась бродить между стеллажей.

Перебирая свитки, я делала вид, что внимательно изучаю названия, но краем глаза следила за магом. Он сидел, уткнувшись в свой манускрипт, и, казалось, забыл о моём существовании. Однако стоило мне где-нибудь задержаться, как я чувствовала на себе его внимательный взгляд. Тогда я хватала первый попавшийся свиток со сказаниями и уходила.

Я шла в комнату отца, садилась рядом, стараясь не обращать внимания на его пустой взгляд, и начинала читать вслух страницу за страницей. В голове билась мысль, что всё это бесполезно, отец всё равно не слышит, и я трачу своё время зря, рассказывая ему легенды, ведь нужной информации среди этих покрытых пылью хроник не было.

Лисса, возвращаясь с кухни, каждый вечер делилась новостями. Она рассказала, что бедняков с Подола теперь привлекли к восстановлению столицы. Они разбирали завалы, чинили мостовые, убирали пепелища и за каждый день работы получали по медяку. И люди шли. А вчера служанка сообщила то, от чего я ночью долго не могла уснуть:

— Храм Великого Отца отстроен. Завтра утром там пройдёт служба. Весь город только об этом и говорит.

Я лежала в постели без сна и смотрела в потолок. Храм. Место, где заключали брак мои родители, и где я не была с момента его разрушения. И мне вдруг отчаянно захотелось туда: послушать проповедь священника, вдохнуть ароматы благовоний, на миг ощутить себя прежней. Но в город меня больше не пускали. Видимо, Эзра опасался, что я могу стать причиной беспорядков.

Утром, наскоро проглотив завтрак, я направилась на поиски мага, потому что к Дэмиану идти я не хотела. Стражники, дежурившие у моей двери, без лишних слов последовали за мной. Я нашла Эзру в левом крыле на третьем этаже. Он стоял возле каменной кладки в недостроенной комнате, и из его ладоней вырывался сноп зелёных искр. Я в очередной раз наблюдала, как под воздействием волшебства стена превращалась в монолит.

Заметив моё присутствие, Эзра опустил руки, и зелёный свет погас. Маг обернулся ко мне.

— Ваше Высочество? Чем обязан?

— Я — Я нерешительно переступила с ноги на ногу. — Я хочу отправиться в Храм. Его отстроили, сегодня состоится первая служба

— Вы помните, чем закончился ваш последний выход в город? — перебил меня Эзра.

— Помню, — кивнула я.

— И вы всё равно настаиваете?

— Да.

Мой ответ вызвал у Эзры короткую, безрадостную усмешку.

— Значит, нет? — огорчилась я.

Он покачал головой, достал из складок балахона маленький красный камень и шагнул ко мне. Я замерла, когда его пальцы коснулись моего уха, а амулет впился в кожу.

— Для вашей же безопасности, — напомнил Эзра.

Я не стала спорить.

Маг распорядился выделить для меня дополнительную стражу, ещё четверых воинов, и карету. Простую, без гербов, но в цветах дома Морвейнов: чёрную с красным.

После восстановления Храм Великого Отца сиял ещё ярче. Белый камень стен сверкал на солнце, витражи горели рубиновым, сапфировым и изумрудным огнём. Конусообразная крыша поднималась к небу, увенчанная золотой фигурой Великого Отца с распростёртыми руками.

Внутри всё оказалось ещё прекраснее. Своды уходили ввысь, теряясь в полумраке. Тысячи свечей освещали фрески с историческими сюжетами и священные символы. Благоговения струились сизыми облаками, смешиваясь с ароматом воска и старых книг. Высокие, чистые голоса певчих заставляли думать о вечном.

Скамьи были заняты знатью: герцогами, графами, баронами, оставшимися в столице. Женщины нарядились в шелка и бархат, их юбки шелестели, а драгоценности блестели. Мужчины в темных камзолах выглядели скромнее своих спутниц.

Я посмотрела на возвышение, туда, где находились королевские кресла. Сейчас они пустовали. Никто не посмел их занять. Я опустила вуаль и отошла к колонне, где обычно толпилась менее знатная публика. Лисса осталась в притворе, среди слуг.

Священник начал свою проповедь. Он говорил о смирении, о том, что Великий Отец посылает испытания тем, кто силён духом, и нужно стойко переносить тяготы жизни, ибо за ними последует награда. Я слушала, и пальцы сами сжимались в кулаки. Священник не призывал принять нового правителя, но явно на это намекал. Я смотрела на мраморную статую Великого Отца на алтаре и думала: «Неужели ты не видишь, что творится в твоём храме? Неужели тебе не противно? Почему ты не поразишь молнией?»

Я так и не закончила свою мысль, кого именно стоило поразить молнией: завоевателей или поддержавших их дворян. Я и сама не знала. Вместо облегчения и радости проповедь принесла лишь уныние и гнев. После службы я вышла во двор храма, щурясь от яркого солнца. Кто-то из знати узнавал меня, но, глядя на стражников, не решался подойти, ограничиваясь лёгкими поклонами. Поправив вуаль, я села в карету и поехала обратно во дворец.

Эзру я нашла на том же месте, где и видела в последний раз. Он подошёл, коснулся уха, и камень отпал.

— Всё хорошо, Ваше Высочество? — спросил он.

— Как видите, — ответила я.

Он кивнул и вернулся к работе, а я поспешила в библиотеку. Я рылась в свитках, перебирая один за другим, откладывала ненужные в сторону и бралась за новые. Найти что-нибудь о магических порталах стало навязчивой идеей. Я больше не могла думать ни о чём другом.

Маг пришёл через час, сел за стол и углубился в манускрипт. А меня обожгла мысль: он изучает древнетелефарийский! Я вдруг ясно осознала, что ещё совсем немного, и Эзра будет понимать его так же хорошо, как и я. А это значит, что времени у меня почти не осталось, я должна найти свиток первой. Но, увы, день прошёл впустую, я так и не обнаружила ничего стоящего.

Вечером Лисса принесла ужин. Я села за стол и схватилась за ложку, когда служанка вдруг сунула мне в ладонь что-то маленькое и шершавое.

— Это вам, Ваше Высочество, — шепнула она и приложила палец к губам: — Только тс-с-с.

Я опустила взгляд и увидела в руках сложенный лист пергамента, запечатанный сургучом. На оттиске печати виднелись инициалы моего брата: А. А. — Альстэр Альдеран.

— Лисса, — спросила я дрогнувшим голосом. — Откуда это у тебя?

Служанка оглянулась на дверь и прошептала ещё тише:

— Передали, когда мы были в храме. Я не видела лица. Мне сказали не оборачиваться, а потом в руку вложили это, — она кивнула на письмо.

Поклонившись, Лисса вышла.

После её ухода я ещё долго сидела, прислушиваясь к шагам за дверью. Сердце отчаянно колотилось, мне казалось, его стук слышен даже в коридоре. Наконец, сделав глубокий вдох, я сломала печать, развернула письмо и чуть не вскрикнула. Буквы вспыхнули красным огнём, живым и пульсирующим. Они плясали на пергаменте, не сжигая его, и складывались в слова:

«Только тот, в чьих венах течёт истинная кровь, сможет прочесть это послание».

— Истинная кровь? — ошарашенно пробормотала я. — Кровь королей Тефари? Или родственная кровь?

Я оглянулась. На кровати лежала незаконченная вышивка. Взяв иголку, я проколола подушечку указательного пальца, а выступившую каплю крови приложила к пергаменту. Огненные буквы погасли, и на их месте проступили другие: голубые, холодные и ровные.

«Дорогая сестра!

Я знаю, в каком ужасном и безвыходном положении ты оказалась. Я уже собираю новое войско. Будь уверена, что я спасу вас с отцом, верну трон и изгоню захватчиков.

С любовью, твой брат Альстэр».

Я перечитала эти строки несколько раз, пока слёзы не затуманили глаза. Альстэр жив. Он не забыл о нас. Он придёт. Пергамент вспыхнул синим огнём. Вскрикнув, я выпустила его из рук, и он сгорел за мгновение, не оставив даже пепла.

Дверь со скрипом отворилась, и на пороге показался стражник.

— Всё в порядке, леди Алианна?

— Да, — пробормотала я. — Просто палец уколола, когда вышивала.

— Бабское дело, — заворчал стражник, закрывая дверь.

А я сидела на кровати, смотрела на опустевшие ладони, и впервые за много дней чувствовала не отчаяние, а надежду.

Глава 21

Дэмиан

Лежащая передо мной карта Тефарии занимала почти всю поверхность дубового стола. На севере страна граничила с Мотрхеймом, на западе — с Галлерией и Миридией, а на востоке простиралось загадочное государство Кай-Лун. Я внимательно изучал расположение крупных торговых городов, горы, реки, транспортные артерии. Когда я принимал решение о захвате территории, меня не слишком заботило её географическое положение. Поверившим в меня людям был нужен дом, а драконам — пища. По сути, я завоевал первое попавшееся государство.

Дверь отворилась, и в кабинет вошёл Эзра.

— Принёс тебе список, — сообщил он в ответ на мой вопросительный взгляд.

— Какой?

— Список лордов севера, — пояснил маг. — Я разделил все фамилии на три колонки. В левую отнёс лояльных тебе, в среднюю — сомнительных, в правую тех, кто открыто поддержал Альстэра.

Я пробежался взглядом по именам. В правом столбце оказалось больше фамилий, чем мне хотелось бы. Что же, лорд Хорн был не одинок в своей глупости.

— Этих, — я ткнул пальцем в третью колонку, — лишить земель, титулов и замков. Мужчин — казнить. Женщин и детей изгнать. Позже я сообщу, кому из офицеров отойдёт их имущество.

Эзра кивнул.

— Что прикажешь делать с сомнительными?

— Их вместе с лояльными пригласить в столицу на коронацию. — Я откинулся в кресле. — Пусть увидят, кому отныне принадлежит эта земля. И пусть присягнут. Те, кто откажется, перейдут в третий столбец со всеми последствиями.

— Разумно, — согласился Эзра.

Маг помолчал, а затем добавил:

— Я только что получил донесение с востока. Альстэр собирает новую армию, и её ряды растут.

— Коронация через три дня, — перебил я. — После неё Альстэр окончательно станет мятежником, а не беглым наследником трона.

— Посмотри в третью колонку, — напомнил Эзра. — И это только север. Боюсь, по всей стране враждебной тебе знати наберётся гораздо больше.

— Тех, кого удастся купить, купим. Кто откажется — разделит участь северян.

Эзра ничего не ответил. С сомнением покачав головой, маг вышел.

Я же не покидал кабинета до самого вечера. Сначала собрал генералов, выслушал их донесения о передвижениях войск, о том, как укрепляются стены Веронтиса, о том, сколько припасов осталось в амбарах, а в казне — золота. Потом принимал гонцов с востока. Новости оказались тревожными, Альстэр действительно собирал армию, и число его сторонников росло быстрее, чем я предполагал.

Во двор я вышел уже на закате. Тело затекло и просило размяться. Короткий тренировочный бой с дежурным отрядом занял не более четверти часа. Вскоре все пятеро лежали на камнях и тяжело дышали, а я даже не запыхался.

— Вы слишком медлительные, — бросил я, убирая меч в ножны. — Завтра весь день будете бегать в полной амуниции.

Вот теперь можно было и отдохнуть. С этими мыслями я направился в купальню.

Горячий пар поднимался от воды, оседал на каменных стенах, делал воздух тяжёлым и влажным. Я сбросил одежду и спустился в бассейн, чувствуя, как тепло разливается по телу, расслабляет мышцы после долгого дня. Откинувшись на бортик, я понял, что чего-то не хватает. Или кого-то. Вошедшая служанка поставила возле меня поднос с мясом, сыром, фруктами и вином, но этого было мало, чтобы утолить мой голод.

— Привести принцессу, — распорядился я.

Кивнув, служанка передала мой приказ стражнику, дежурившему у дверей. Тело налилось жаром при одной мысли, что скоро перед моим взором предстанет Алианна, и я коснусь её нежной кожи, заруюсь пальцами в её волосы. Она будет принадлежать мне полностью, без остатка.

Принцесса, однако, не торопилась. Служанка привела её, держа за руку. Алианна шла за ней, опустив глаза и кусая губы. На ней было простое платье, а волосы рассыпались по плечам светлой волной.

— Помоги леди Алианне раздеться, — приказал я служанке

Та повиновалась быстро, ловко, не глядя на лицо принцессы. Алианна не сопротивлялась, но я видел, как побелели её пальцы, вцепившиеся в ткань сорочки. Ей было стыдно. Ничего, скоро от стыда не останется и следа.

— Можешь идти, — отпустил я служанку.

Дверь закрылась. Мы остались вдвоём. Я протянул Алианне руку.

— Спускайся.

Она колебалась мгновение, затем шагнула на мраморные ступени, уходящие под воду. Её дрожащие пальцы коснулись моей ладони. Я помог ей спуститься, чувствуя, как напряжено её тело, как она старается не дотрагиваться до меня лишний раз и не смотреть в мою сторону.

Тёплая вода приняла в свои объятия нас двоих. Я прислонился к бортику, притянул принцессу к себе. Она не сопротивлялась, но и не расслаблялась, словно была из дерева. Я взял с блюда ломтик сыра и поднёс к её губам.

— Ешь, — прошептал ей на ухо.

Вздрагнув, Алианна посмотрела на меня. Её голубые глаза вновь приняли лиловый оттенок. Не такого эффекта я желал добиться. Глубоко вздохнув, я подавил вспыхнувшее было раздражение.

Я кормил её медленно. За сыром настал черёд фруктов. Я чуть не стонал от наслаждения, когда губы принцессы мягко касались моих пальцев. И вспоминал тот вечер, когда приказал привести её на пир, чтобы показать всем, кому теперь принадлежит дочь павшего короля. Она тогда ничего не ела, сидела бледная, сжавшись в комок. Я опасался, что она свалится в обморок прямо за столом, и испортит мне всё удовольствие. Пришлось уговаривать, почти принуждать.

Сейчас она ела сама. Неохотно, но послушно. Это было лучше.

— Ты красивая, — сказал я, не понимая, зачем это говорю.

Она снова вздрогнула, подняла на меня непонимающий взгляд и тут же опустила глаза. Отвернулась. Я провёл пальцами по её щеке, по шее, по ключицам, наслаждаясь нежностью её кожи. Алианна вся была нежной. Хрупкой. И очень желанной.

Я наклонился, нашёл её губы. Она напряглась. Я чувствовал, как она борется с собой, как хочет отстраниться, но не смеет.

— Посмотри на меня, — прошептал я, отрываясь от её губ.

Она повиновалась. В её лиловых глазах плескался страх. И ненависть. Не то, что я хотел бы видеть. Закрыв глаза, я заглянул внутрь себя, туда, где в глубине пульсировало что-то живое, древнее и горячее. Я мысленно коснулся этого источника, и он отозвался яркой вспышкой. Я потянул его, заставляя жаром разлиться по всему телу. Кровь становилась тяжёлой, густой, как расплавленный металл. В пальцах защипало, и кончики, где дар вырывался наружу, стали невыносимо горячими.

Я открыл глаза. Мир изменился. Краски заиграли, а тени обрели глубину. Я видел каждую каплю воды на её лице, каждую дрожь ресниц, каждый вздох, поднимавший её грудь. Я чувствовал её. Она была как открытая книга, и я читал её без труда. В глубине моего взгляда вспыхнул зелёный огонь. Я видел его отражение в её расширенных зрачках. И улыбнулся. Теперь Алианна хотела меня. Пусть не по своей воле, но хотела.

Сегодня я не спешил. Сегодня я собирался насладиться ею как следует. Я целовал её плечи, шею, грудь, и она выгибалась мне навстречу. Это было невероятно сладко. Я вспомнил собственные слова, брошенные Эзре: «Женщины все одинаковые». Я действительно так считал, но почему-то хотел только Алианну, с её страхом и ненавистью.

Я взял её прямо в воде, медленно, почти нежно. Она обхватила меня ногами, запрокинула голову, и я вглядывался в её лицо, наблюдая, как мука и стыд сменяются чистым удовольствием.

— Ты моя, — твердил я, вбиваясь между её разведённых бёдер и теряя голову от запаха и вкуса её кожи. — Моя. Запомни это.

Она ответила протяжным стоном. Другого ответа я и не ждал.

Глава 22

Алианна

Сегодня Дэмиан был каким-то другим. Он буквально пожирал меня глазами, и в этом жадном взгляде сквозило неистовое желание немедленно присвоить, подчинить, но Дэмиан не торопился, словно растягивал удовольствие. Он подал мне руку, помогая спуститься в бассейн, а после заключил в объятия, крепко прижав к себе. Я слышала биение его сердца, чувствовала, как разгорячена его кожа. Его прикосновения были нежными, поцелуи — чувственными.

Он снова кормил меня с рук, как в тот вечер на пиру. Не смея отказаться, я послушно открывала рот.

— Ты красивая, — внезапно произнёс Дэмиан.

Я посмотрела на него, ожидая увидеть на лице издёвку, но нет. Он говорил серьёзно. Я отвернулась. Легко, почти невесомо он коснулся моей щеки, провёл пальцами по шее и ключицам. Затем наклонился, нашёл губы.

Жар от его рук проникал мне под кожу, вызывая внизу живота непонятное томление. Я уже знала, чем это всё закончится, и не хотела снова становиться послушной марионеткой в его руках. Я напряглась, готовясь противиться новому вторжению в свой разум.

— Посмотри на меня, — прошептал он, отрываясь от моих губ.

Подняв голову, я видела, как в глубине его зрачков зажёгся зелёный огонь. И вновь чужая воля скользнула в моё сознание. Собрав остатки сил, я пыталась противостоять его магии, но она была сильнее. Она втекала в мои вены, заставляя тело жить своей жизнью, наперекор моим истинным желаниям.

«Нет, — мысленно говорила я себе. — Не поддавайся».

Кожа покрылась мурашками, а нарастающее напряжение внизу живота требовало разрядки.

«Не хочу, — твердила я. — Я не хочу этого. Это не я».

Тем временем мои руки сами легли ему на плечи, пальцы впились в кожу, а губы искали его губы. Я билась внутри себя, как птица в клетке. Мысленно я кричала от отчаяния, но не издала ни звука. Тело моё не слушалось. Оно уже принадлежало Дэмиану. Оно хотело его. И я поддалась. Не сразу. Но поддалась.

В какой-то момент я перестала бороться. Сама потянулась к нему, сама поцеловала. Он овладел мною прямо в воде. Я обхватила его ногами и запрокинула голову. На мгновение мне показалось, что я его люблю. Но это была лишь магия.

— Ты моя, — твердил он, вбиваясь между моих разведённых бёдер. — Моя. Запомни это.

Я стонала, соглашаясь с ним, и ненавидела себя за этот стон. Я запомнила: и его слова, и себя, падающую, ломающуюся, предающую.

Сегодня Дэмиан отпустил меня не сразу. Мы пробыли с ним в купальне несколько часов, а когда я добралась до своей постели, то рухнула без сил. Несмотря на усталость, я проснулась с первыми лучами солнца. Проигнорировав поданный Лиссой завтрак, я поспешила в библиотеку.

Эзры здесь не было. В последние дни он часто пропадал в кабинете Дэмиана, до недавнего времени принадлежащем моему отцу. Я залезла на лестницу и принялась рыться на самых верхних полках. Я старательно отгоняла от себя назойливые мысли о том, что все мои усилия тщетны, и я никогда не найду желаемое.

Солнце перевалило за полдень, а я всё перебирала книги и свитки, когда внезапно среди завалов обнаружила толстый манускрипт в кожаном переплете. Он лежал, припорошённый пылью так густо, будто к нему не притрагивались несколько веков. Затаив дыхание, я раскрыла его. Страницы были исписаны чернилами на древнететфарийском языке. Я изучала его в дет-

стве, но многое успела подзабыть и потому понимала не каждое слово. Тем не менее, моих знаний хватило, чтобы разобрать: здесь говорилось о магии, оберегающей Тефарию и её королей. Я пролистала почти до середины, когда наткнулась на знак, очень похожий на тот, что в подземелье чертил мой отец.

В этот момент скрипнула дверь и в библиотеке раздались чьи-то шаги. Со своего места я не могла видеть, кто вошёл. С колотящимся сердцем я вырвала из манускрипта нужную мне страницу, спрятала её под лифом платья, схватила какой-то свиток и поспешила спуститься.

— Ваше Высочество? — узнала я голос мага. — Вы здесь?

— Да, — улыбнулась я как можно безмятежнее. — Хотела найти что-нибудь интересное, чтобы почитать отцу.

— Вы позволите взглянуть? — спросил Эзра.

— Э-э-э

Не дожидаясь разрешения, он взял из моих рук свиток и развернул его.

— Рецепты миридийской кухни? — изумился он. — Необычный выбор.

— Э-э-э Разве? — деланно удивилась я. — Видимо, я перепутала с миридийскими сказаниями. Ладно, — я сунула свиток на какую-то полку и поспешила к выходу, — в другой раз поищу.

Эзра отошёл в сторону, пропуская меня, но когда я уже схватилась за дверную ручку, произнёс:

— Очень скоро состоится коронация. — От этих слов внутри всё сжалось. — Дэмиан Морвейн станет королём Тефарии. Вы будете присутствовать в первых рядах и засвидетельствуете верность новому правителю. Вы подадите пример всем остальным.

Я застыла. Коронация. Все будут в храме, а вернувшись во дворец, напьются до потери пульса. Лучшего времени и не придумать, чтобы открыть магический портал и уйти через него с отцом.

— Я поняла, — кивнула я.

— Тогда не смею больше вас задерживать, — отозвался Эзра.

На непослушных ногах я вывалилась из библиотеки, чувствуя спиной взгляд мага. Скоро. Очень скоро нас с отцом здесь не будет. Главное — никак не выдать себя до решающего часа.

В покоях меня ждала Лисса. На кровати, на стуле, на столе, на сундуке — везде, куда падал взгляд, лежали платья. Из шёлка, бархата, парчи. Синие, зелёные, фиолетовые, красные. В открытой шкатулке сверкали украшения из золота и драгоценных камней.

— Что это? — ошарашенно спросила я, приваливаясь к стене.

— Ардор Морвейн распорядился выдать вам всё это, — пояснила служанка. — Ведь скоро коронация. А ещё, — она понизила голос, — ходят слухи, что он собирается вернуть вас в ваши покои.

От её слов к горлу подступила тошнота. Я была для него игрушкой. Он делал со мной что хотел. Захотел — отнял всё, захотел — вернул. Главным условием было безоговорочное послушание. И вот теперь, он решил выставить меня напоказ.

— Лисса, оставь меня ненадолго, — попросила я служанку.

Она кивнула и вышла, притворив дверь.

Оставшись в одиночестве, я вытащила из лифа вырванный лист, положила на стол, сдвинув в сторону одно из платьев, и разгладила. Загадочный знак смотрел на меня с пожелтевшего пергамента.

— Что ты значишь? — прошептала я, вглядываясь в текст под ним. — И как заставить тебя работать?

Глава 23

Дэмиан

День коронации настал. Торжество проходило в Храме Великого Отца, которому поклонялись все без исключения жители Тефарии. Я сидел на месте свергнутого короля. Надо признать, что кресло оказалось крайне неудобным: слишком высокое, с прямой спинкой. Оно будто специально было создано, чтобы мучить того, кто на него сядет. Но я не жаловался.

Скамьи передо мной были заполнены моими селестинами и тефарийской знатью. Герцоги, графы, бароны — все, кто остался или вернулся в столицу, явились присягнуть мне на верность. Церемония проходила по всем правилам их религии. Пусть думают, что я принял их веру. Мне всё равно, поскольку на самом деле я не верил ни во что, кроме собственной силы и воли.

В Мирраксе императоров почитали как богов. Я вырос при дворе, где каждое слово императора считалось истиной, а его приказы — велением небес. Но я знал правду. В моём отце, Корвине Тарквинии, не было ничего божественного. Он был слаб. Он боялся собственной жены, он наплевал на мою мать и на других женщин, понёсших от него, и он признал меня лишь для того, чтобы использовать как оружие.

Эта религия пошла с тех времён, когда все без исключения императоры могли повелевать драконами. Тогда они действительно были полубогами. Но из-за постоянного кровосмешения династия постепенно вырождалась. Чтобы выжить, мои предки по отцу начали вступать в союзы с простыми людьми. В результате погонщики драконов рождались всё реже. Корвин Тарквиний был невероятно рад, когда один из его бастардов унаследовал редкий дар. Но не настолько, чтобы принять меня в семью и дать свою фамилию. Он не позволил носить цвета своего рода: пурпур и золото, которые веками ассоциировались с императорским домом. Мне достался лишь титул погонщика драконов и должность при дворе. Я был для него инструментом. Не больше. И когда я понял, что никогда не стану для него сыном, я выбрал собственные цвета. Чёрный — цвет драконьей чешуи, и красный — цвет пламени, вырывающегося из пасти Дрога. Никто не дал мне этих цветов. Я взял их сам, как брал всё в этой жизни.

Перед смертью отец успел взять с меня клятву никогда не вредить мачехе и Аттию, её сыну. Я поклялся. Вот только с неё он подобной клятвы не взял. Не догадался или не посчитал нужным. И ещё не успел остыть погребальный костёр, на котором сожгли тело усопшего императора, как Везена, его вдова, отправила ко мне новых наёмных убийц. Она делала это на протяжении многих лет, с той самой первой провалившейся попытки, когда погибла моя мать.

Священник поднялся на амвон, и его голос разнёсся под сводами храма, отгоняя воспоминания:

— В этот знаменательный день Великий Отец, покровитель королей и воинов, взирает на нас. Он видит каждого, кто вошёл под священные своды его храма. Он видит тех, кто пришёл с чистым сердцем, и тех, кто таит в душе ложь. Нет ничего сокрытого, что не открылось бы. Нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Я не верил ни единому слову, но внимательно слушал, когда жрец читал свою проповедь. Любая религия преследует одну цель: заставить людей подчиняться. А раз так, значит, мы на одной стороне.

— Мы собрались здесь, чтобы возвести на престол избранного Великим Отцом правителя Тефарии. Дэмиан Морвейн принимает корону не по праву силы, а по милости Вседержителя. С этого дня он наш король, и мы клянёмся ему в верности.

Жрец взял корону: золотую, усыпанную рубинами и невероятно тяжёлую. Мою.

Я склонил голову, и в этот момент меня накрыло. Я будто отчётливо услышал визг клинка и предсмертный хрип.

Последний убийца, которого подослала Везена, оказался лучшим из всех. Он проник в мои покои глубокой ночью, когда я спал. Я проснулся от прикосновения лезвия к горлу. Убийца был быстр, но я оказался быстрее. После короткой борьбы я сломал ему руку, выбил нож, прижал к полу и заглянул в глаза, проникая в сознание. Я увидел лицо мачехи, отсчитывающей золото, услышал её голос, повелевающей убить меня.

Когда я пришёл к ней, она сидела в тронном зале, окружённая придворными, и улыбалась. Я подошёл близко, почти вплотную, и сказал:

— Я знаю.

Везена не отвела взгляда.

— Я не понимаю, о чём ты, — произнесла она с лёгким смешком. — Тебе нездоровится, Дэмиан? Прислать лекаря?

Она лгала. Смотрела мне в глаза, улыбалась и лгала. А затем хлопнула в ладони и довольно рассмеялась.

— Ты ничего не можешь мне сделать. Ты связан клятвой.

Везена была права. Я не мог причинить ей вреда, не мог даже дотронуться. Клятва, данная отцу, жгла меня изнутри, стоило лишь представить, как мои руки смыкаются на её шее.

Мне ничего не оставалось, как развернуться и уйти. Уверен, Везена считала себя победительницей, но она не учла одного: я принес присягу отцу, но он уже умер, а ей и её сыну — нет. Она поторопилась.

Поэтому я просто забрал драконов и верных мне людей. Я пообещал поддержавшим меня селестинам новые плодородные земли, ведь Мирракс постепенно поглощала пустыня. Мы погрузились на корабли и отправились в неизвестность. Но удача благоволит смелым. Теперь мы здесь, и это значило, что пришло время основать новую династию. Династию Морвейнов.

Холодный металл короны коснулся моего лба.

Жрец что-то говорил, знать аплодировала, но я слышал только гул. Я поднял голову и взглядом скользнул по рядам. Там среди герцогов и графов, сидела она. Алианна. Она была восхитительна в новом красном платье. Её волосы были собраны в высокую причёску, а вуаль лишь едва прикрывала её лицо. И сейчас она смотрела на меня.

По знаку жреца Алианна подошла ко мне первой. Она опустилась на колени перед возвышением, где стояло моё кресло. Её голос дрожал, когда она произносила слова клятвы. Она запинаясь, сбивалась, но продолжала говорить. О верности. О признании моей власти. О том, что отныне я — её король.

Я смотрел на неё, и в груди разливалось что-то тёплое. Не похожее на похоть. Нечто иное, чему у меня не было названия.

— Встаньте, леди Алианна — приказал я, и она поднялась. — Я принимаю вашу клятву.

Почтительно опустив голову, Алианна отступила в сторону, скрываясь за спинами дворян, спешащих засвидетельствовать мне свою верность. Герцог Торнмур шагнул вперёд, опускаясь на колени. Я слушал его клятву вполуха, думая о другом. О том, что скоро я верну Алианну в её покои. Буду держать ближе к себе. Главное, чтобы она не наделала глупостей.

Глава 24

Алианна

Утро коронации было наполнено суетой. Лисса хлопотала вокруг меня с самого рассвета. Для предстоящего так называемого торжества я выбрала платье из красного шёлка с серебряной вышивкой на подоле и рукавах, и лифом, украшенным крошечными жемчужинами.

— Вы прекрасны, Ваше Высочество, — прошептала Лисса, затягивая шнуровку.

Я посмотрела на своё отражение в крошечном тёмной зеркале. Сейчас я была почти похожа на себя прежнюю, но затаившаяся в глазах печаль портила весь образ. Сегодня я должна буду произнести клятву, которую и не думала держать. От этой мысли становилось невыносимо. Клятвopеступление являлось одним из самых мерзких пороков в глазах Великого Отца. И я собиралась пойти на него, потому что больше не видела для себя иного выхода. Но с другой стороны, я ведь просто хотела уйти из дворца и увести с собой отца. Я не планировала выступать против Дэмиана. Да и клятва, данная под принуждением, не имела силы.

У выхода меня ждала карета в цветах новой династии. Я села внутрь, и экипаж тронулся, сопровождаемый полудюжиной всадников в парадных доспехах. Город казался чужим: улицы были усыпаны лепестками роз, из окон домов свисали алые и чёрные полотнища.

В храме меня провели в первый ряд и усадили напротив возвышения, где стояло кресло, которое ещё недавно занимал мой отец, но сейчас в нём восседал Дэмиан Морвейн. Остальные кресла, моё и Альстэра, убрали.

Священник начал проповедь о смирении и о том, что любая власть даруется Великим Отцом, и народ должен принять нового короля, ибо такова Его воля. Потом он взял корону, которую носили представители династии Альдеран на протяжении сотен лет, и водрузил на голову узурпатора. Я смотрела на это и сжимала кулаки от бессилия.

После церемонии наступил черёд принести клятву верности. Первой священник вызвал меня. Мне не хотелось смотреть в лицо этому служителю храма. Сколько золота ему отсыпали за сегодняшнюю проповедь? А что, если я откажусь? Меня с отцом снова запрут в подземелье?

— Я, Алианна Альдеран дочь Годрика Альдерана признаю Дэмиана Морвейна своим королём. — Сердце ныло оттого, что я предаю отца и брата, но я всё равно продолжала говорить. — Отныне и навсегда я клянусь в верности ему и его дому. Клянусь не поднимать руки и не помышлять зла против него. Да покарает меня Великий Отец, если я преступлю эту клятву.

Дэмиан Морвейн довольно кивнул, и я отошла в сторону. На душе было неспокойно. Я пыталась уверить себя, что эти слова ничего не значат, и Великий Отец проявит ко мне милосердие, ведь я была вынуждена их произнести. Я не героиня древних сказаний, я обычная пленница и просто пытаюсь выжить.

После меня к возвышению подошёл герцог Торнмур со всем своим семейством. Они опустили на колени и повторили слова клятвы. За ними последовали все остальные дворяне. Это продолжалось много часов.

Когда мы вышли из храма, солнце уже клонилось к закату. Дэмиан Морвейн, новый правитель, сел в открытый экипаж, чтобы проехаться по главным улицам Веронтиса. Из окон своей кареты я наблюдала, как люди кричали, осыпали мостовую лепестками роз и золотыми монетами. Я видела, как бросались на землю нищие, подбирая блестящие кружочки, как они дрались и толкались.

По приезде во дворец нас ждал пир. Рыцарский зал сиял зелёными огнями. Столы ломились от яств. Здесь было всё: жаренные на вертеле кабаны, запечённые лебеди, копчёные перепёлки, тушёные кролики, горячие пироги с разными начинками, свежий хлеб, горы фруктов, кувшины с вином. На этот раз офицеры Морвейна и тефарийская знать сидели вперемешку

Моё место оказалось по правую руку от Дэмиана. По левую расположился Эзра. Новый король весь вечер о чём-то беседовал со своим магом, не обращая на меня почти никакого внимания. Стоящий за спиной слуга подкладывал мне на тарелку тот или иной кусок, но, несмотря на голод, я не могла ни есть, ни пить, напряжённо думая о предстоящем побеге. Было кое-что смутившее меня в вырванном из манускрипта листе, но я убедила себя, что это не помешает нам уйти тем же путём, которым ушёл Альстэр.

К ночи многие уже напились. Голоса стали громче, смех — наглее. Знатные дамы с мужьями постепенно покидали рыцарский зал. Я решила, что пора.

— Я устала, Ваше Величество, — сообщила я, наклоняясь к Дэмиану Морвейну. Язык чуть не прилип к нёбу, когда я произносила его новый титул. — Вы позволите мне удалиться?

Он бросил на меня короткий взгляд и кивнул. Воспользовавшись разрешением, я выскользнула из рыцарского зала. Стражники, как обычно, последовали за мной.

В комнате меня ждала Лисса, которую я, конечно же, посветила в свои планы. Поначалу она пыталась меня отговорить, но после признала мою правоту.

— Помоги переодеться, — попросила я, закрывая дверь.

Лисса помогла мне снять платье и украшения, распустила волосы и переплела их в обычную косу. Я натянула простое тёмное платье, которое носила Лисса, грубое, с потёртыми локтями. Натянув чепец и надвинув его на самый лоб, я опустила голову и выглянула в коридор. Стражники, дежурившие у дверей, скользнули по мне равнодушными взглядами и вернулись к прерванному занятию. Они разыгрывали монету, одну за другой. Подкидывали её вверх и пытались угадать, какой стороной та упадёт. Кто окажется прав, тот и забирал монету себе. Никто меня не окликнул.

К коморке отца я добралась никем не замеченной. Все были на пиру или на кухне. По дороге я стащила брошенный кем-то плащ. Отец сидел на кровати, привалившись к изголовью и уставившись в стену. Я подошла к нему, села на край постели, взяла его ладони в свои.

— Папа, — прошептала я. — Вставай, мы уходим.

Он не отреагировал на мои слова. Потянув за руки, я с трудом заставила его встать, накинула на него плащ, завязала тесёмки. Отец не сопротивлялся, просто смотрел перед собой отрешённым взглядом.

Вывести его из каморки оказалось сложнее, чем я думала сначала. Он отказывался идти сам. Тогда подставив ему плечо, я повела его по коридорам. Я задыхалась под его весом. Даже несмотря на болезнь, отец оставался тяжёлым и почти не помогал мне. Он еле передвигал ногами, и я тащила его, прижимаясь к стенам, прячась в тени.

В одном из переходов нам преградил путь стражник.

— Кто такая? Куда прёшь? — спросил он, шурясь и пошатываясь. От него за несколько шагов несло вином.

Я опустила голову ниже.

— Мужа моего веду, — нарочито грубым голосом ответила я, кивая на отца. — Перепил за здоровье нового короля, дурень. Дорвался до халявной выпивки. Теперь вот сам не идёт, только мычит.

Стражник хмыкнул, глаза

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.